

Александр Охотин

СНАЧАЛА БЫЛА
ВОЙНА

Александр Охотин
Сначала была война

«Издательские решения»

Охотин А. А.

Сначала была война / А. А. Охотин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986709-4

Ромка медленно брёл по одной из окраинных улочек города. Просто так, без цели. Улочка имела вкусное название — Малиновая. Она начиналась от военного госпиталя, из которого Ромка сбежал три дня назад. Он потом несколько раз возвращался туда. Дойдёт до ворот, постоит там и идёт прочь. Вот и в то июльское утро он побывал там. Постоял, посмотрел на здание госпиталя и ушёл оттуда уже навсегда.

ISBN 978-5-44-986709-4

© Охотин А. А.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Первая часть. Детский дом	7
Глава 1. Сначала была война	7
Глава 2. Всё началось с базара	9
Глава 3. Детский дом	14
Глава 4. Беды начались	20
Глава 5. Мост	24
Глава 6. Безобразная драка	28
Глава 7. Убивал фашистов	33
Глава 8. Как Ромка «украл ключ»	36
Глава 9. Неожиданная встреча в подвале	39
Глава 10. Первое сентября	44
Глава 11. Ростислав Александрович	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сначала была война

Александр Анисимович Охотин

Иллюстратор Александр Анисимович Охотин

© Александр Анисимович Охотин, 2020

© Александр Анисимович Охотин, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-6709-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Привет! Это я, Саша Мережкин. Ну тот самый, который во время полёта звездолёта «Прометей-2» попал со всем экипажем в прошлое – в тысяча девятьсот сорок второй год. Это случилось во время перехода звездолёта в суперпространство. Мы так и не смогли разобраться в том, что же тогда произошло.

Ну что, вспомнил? Да, попали мы тогда в переделку. Если бы не юный Маг Данилка Овсянников, всё закончилось бы трагически. Если бы мы остались в прошлом, то просто исчезли бы из истории Вселенной и никогда бы уже не родились. Не только мы, но и многие из ныне живущих.

Нам повезло, что Данилка тоже летел с нами. Летел он, правда, в качестве пассажира, но это сначала. Потом он уже мог бы считаться и членом экипажа, потому что только он смог понять, что с нами случилось, и отправить нас в наше время.

Вообще-то, отправить нас ему удалось не в ту точку времени, из которой мы стартовали. Мы вернулись на пятнадцать лет раньше, чем состоялся старт «Прометей-2». Но это было именно наше время, потому что и сами мы стали на пятнадцать лет моложе, точнее младше. Мы просто оказались на уроке в нашей школе.

Отправив нас в наше время, Данилка остался в тысяча девятьсот сорок втором году. Мы не понимали тогда, почему он так поступил. Ведь он сам говорил нам, что оставшиеся в прошлом, просто исчезнут. Но нет, он не исчез, он потом родился, нарушив фундаментальные законы Мироздания. Родился он на одиннадцать лет позже, чем должен был родиться. Да позже, но родившись, он уже обладал Великим Знанием, и через неделю он исправил и это, ему снова стало одиннадцать лет.

Итак, история снова вошла в правильное русло. Даже в лучшее по сравнению с тем, что было до нашего выхода из петли времени. И всё-таки для нас оставалось тайной, почему Данилка не вернулся из прошлого вместе с нами. Мы так и не узнали бы этого, если бы тайну нам не открыл наш учитель ИЗО Роман Васильевич Гусев.

Итак, я расскажу вам эту историю. Только рассказ пойдёт не столько о Данилке, сколько о самом юном герое Советского Союза Роме Васильеве – о Ромке Гусеве. Итак, вот эта история.

Первая часть. Детский дом

Глава 1. Сначала была война

Сначала была война... Хотя нет, не совсем так. Сначала всё-таки были мама и папа, родной город Горький, родная улица и двор, родной дом. Да, всё это было, но Ромка почти не помнил ни лиц, ни улицы, ни как выглядит дом, в котором он жил до войны.

Вообще-то, он всё это помнил, но помнил как-то странно. Папа и мама иногда ему снились. Отчётливо. Он легко узнавал их во сне. Узнавал и лица, и голоса. Но... всё это мгновенно улечивалось, когда он просыпался. Проснувшись, он уже не мог представить себе, как выглядели папа и мама. Зато война прочно засела в памяти.

Ох уж эта война... Когда же она, наконец, закончится? Хотя, Ромке-то теперь уже всё равно. Что у него впереди? Куда он идёт? Некуда и не к кому ему идти, потому что остался он совсем один на белом свете.

Ромка медленно брёл по одной из окраинных улочек города. Просто так, без цели. Улочка имела вкусное название – Малиновая. Она начиналась от военного госпиталя, из которого Ромка сбежал три дня назад. Он потом несколько раз возвращался туда. Дойдёт до ворот, постоит там и идёт прочь. Вот и в то июльское утро он побывал там. Постоял, посмотрел на здание госпиталя и ушёл оттуда уже навсегда.

Ромка и сам не понимал, зачем он туда возвращался, что его туда тянуло. Вернуться, повиниться и попроситься назад? Ведь нельзя же вечно скитаться по улицам, ночевать в полуразрушенном бомбёжкой доме. А без еды как прожить? Но нет, возвращаться было нельзя. Что он скажет? Как оправдает побег? Нет, пути назад не было.

Улица была неширокой. Она тянулась в том же направлении, что и река за посёлком Осинки. Река плавно поворачивала налево, и улица повторяла этот изгиб. Большинство домов улицы были двух и трёхэтажными. Это были здания старой дореволюционной постройки. Кое-где в окнах не было стёкол и даже оконных рам. Это результат бомбёжек. Вообще-то, Малиновая пострадала от бомбёжек не так сильно, как другие улицы города, но и там встречались полностью разрушенные дома.

Улица поднималась в гору, поэтому фундаменты многих зданий, высокие с ближней стороны, дальше почти уходили в землю. У некоторых зданий вторые этажи были вторыми только с ближней стороны, а дальше становились первыми.

Вдоль улицы проходила мощёная камнем дорога, а посередине дороги тянулись трамвайные рельсы. По дороге и по узким тротуарам вдоль домов шли редкие прохожие. Их было ещё мало, в большинстве – женщины, так как почти все мужчины были на фронте.

Одеты прохожие были по-летнему, как и подобает одеваться в середине июля. Наверное, холодно было только Ромке. Видимо, от голода и слабости. Ещё бы: уже третий день во рту не было ни крошки.

А день обещал быть погожим. На утреннем небе не было ни облачка. Ромка брёл вверх по улице, опустив голову, уставившись в пыльную, с выбоинами, мостовую.

Громыхая на рельсах, прошёл по улице первый трамвай. Солнце поднималось над городом всё выше и выше. Когда оно поднялось уже высоко и выглянуло из-за крыш домов, Ромке стало теплее, прошёл озноб.

Ромка дошёл до проулка, через который он когда-то убежал, спасаясь от фашистов, остановился у поворота в проулок. Если повернуть туда, пройти три километра и спуститься вниз по склону, то окажешься в посёлке Осинки. Пойти туда и попросить немного еды? «Нет, не дадут, – решил Ромка. – Это когда я с партизанами туда ходил... а так... кто я для них...».

Постояв в нерешительности, он всё-таки свернул в проулок. Миновав развалины разрушенного бомбёжкой дома, оставив позади полусгоревшие сараи, он вышел на тропинку, ведущую к посёлку. Там, на лугу, кипела и радовалась солнечному дню жизнь. Казалось, что не было никакой войны. В зелёной траве радостно желтели и белели одуванчики; росли белые ромашки и голубые васильки; в траве радостно стрекотали кузнечики, им было хорошо, не то что Ромке.

Дойдя до края склона, Ромка остановился. Вдали за посёлком блестела на солнце река. Был виден и взорванный мост. От нахлынувших воспоминаний вернулось утреннее ощущение ледящего холода. Ромка ещё какое-то время постоял на краю склона, а потом повернулся и пошёл прочь.

Вернувшись на городскую улицу, он побрёл дальше. Шёл, опустив голову, бессмысленно уставившись в мостовую. Резкий толчок. Это Ромка налетел на встречного прохожего – на высокого лохматого дядьку. Ругань:

– Куда прёшься, оборванец! Смотреть надо, куда идёшь!

Оборванец... Да, конечно. А что оставалось делать? Не уходить же в госпитальной пижаме. В ночь побега из госпиталя Ромка тихо, чтобы не заметили дежурные медсёстры, пробрался в кладовую. Там ему удалось отыскать среди всякой рухляди то, что осталось от его одежды. Даже удивительно, что эту рвань так и не выкинули за целый год. Он даже нашёл какую-то фуражку, которую тут же нахлобучил на голову.

Найденное тряпьё трудно было назвать одеждой. Разве что брюки. Они были почти целы, хотя и с бурыми пятнами от давно засохшей крови. А вот от рубашки и куртки остались одни лохмотья. Ну что ж, ничего другого всё равно не было.

Переодевшись, Ромка на цыпочках вернулся в палату. Он вынул из-под подушки свой пионерский галстук и долго смотрел на него, разложив на койке. Тот галстук вручил ему сам командир партизан Семён Игнатьевич, когда Ромку приняли в пионеры. Это было примерно за месяц до освобождения города от фашистов.

Итак, Ромка аккуратно сложил галстук, спрятал его за пазуху. Аккуратно сложив на койке больничную одежду, он ушёл из госпиталя в ночь. Вот так он и стал оборванцем, как выразился дядька.

Итак, дядька пошёл дальше, что-то недовольно бурча под нос, а Ромка продолжил свой путь в никуда. Вот так он и оказался на базаре. С базара как раз и начинается эта история.

Глава 2. Всё началось с базара

Итак, всё началось с базара. Ну, базар как базар. Чем-то похожий на тот, который Ромка не раз видел в своём родном городе Горьком, когда ходил туда с мамой. А вообще-то, наверное, все базары во всех городах хоть чем-то, да похожи друг на друга.

Народа на базаре было не очень много. Побольше, конечно, чем на городской улице, но не намного. Покупатели, точнее покупательницы, ходили около прилавков, что-то искали, приценивались, покупали, меняли какие-то вещи на продукты.

Вообще-то, бедновато было на прилавках. Это понятно, потому что только год назад город освободила от фашистов Красная Армия. Богато, нет ли, но и того съестного, что там было, хватило, чтобы от вида яств Ромке стало плохо. Особенно, от запаха печёных пирожков и лепёшек. Ими торговала пожилая упитанная тётка. От запаха заурчало в животе, к горлу подступила противная тошнота.

Ромка на миг остановился напротив «пирожковой торговки». Это он её про себя так назвал – «пирожковая торговка». Тётка тоже взглянула на него. Что-то недоброе почувствовал Ромка в этом взгляде. Он отвернулся и пошёл к выходу с базара, чтобы уйти и не видеть больше всех этих вкусностей. Он дошёл до калитки, но выйти через неё уже не смог, потому что ему стало совсем плохо.

Ромка уселся прямо на землю, привалившись спиной к углу между забором и ларьком у выхода. Не помогло, а тут ещё крик какой-то тётки:

– Ворюга! Держите вора! Милиция!

Голос был противный, визгливый и настолько пронзительный, что хоть уши затыкай. В другой раз Ромка посмотрел бы, что это там за ворюга, но ему в тот момент было не до того. Он просто сидел с закрытыми глазами и не догадывался, что «ворюга» – это он.

За милицией дело тоже не стало. Тут же появились двое. Один молодой и высокий, другой поменьше ростом, пожилой.

– А ну вставай! – заорал высокий, и с силой дёрнул Ромку за руку – за большую, за правую. Боль, которая давно уже прошла, снова пронзила руку и правую сторону груди, помутилось сознание.

– Не надо! – закричал Ромка. – Что вы делаете! Больно же!

– Не ори! – прикрикнул высокий. – Не помрёшь, ворюга! Больно ему, понимаете ли...

– Виктор! – сказал высокому милиционеру пожилой. – Поаккуратней!

– Чего поаккуратней?!

– А то и поаккуратней. Что он тебе сделал?

– Вы знаете, Николай Афанасьевич, – ответил высокий, – я терпеть не могу ворё.

– А ты видел, как он что-то украл? Может, вот эти лохмотья, которые на нём?
– Не украл, так собирался украсть! – не унимался высокий. – Знаю я эту шпану! Такой же, как и те!..

– Угомонись! Те это те! А этот не те!

Высокий продолжал держать Ромку за руку. Было больно.

– Отпустите, – попросил Ромка, – я не убегу.

– Ещё чего! – ответил высокий. – Знаю я вас, шпану!

– Больно! Ну держите тогда за другую руку! Эта жуть как болит!

– Виктор, – сказал пожилой милиционер, – да не держи ты его. Побежит – поймаем. Куда он тут денется?

– Ага. Вы, что ли, будете ловить?

– Ну держите за другую руку, – снова попросил Ромка. – Вам не всё равно, за какую? А эта жуть как теперь болит.

– Виктор, – сказал пожилой, – боишься, что убежит, возьми его за другую руку. Вдруг и правда болит?

– Да чёрт с вами обоими, – ответил высокий.

Когда милиционер отпустил Ромкину руку, боль не прошла, а даже заболело ещё сильнее. Ну вот, тут ещё эта тётка – «пирожковая торговка». Вышла из-за прилавка и идёт к милиционерам. «Ага, сейчас и она что-нибудь наврёт, – подумал Ромка. – Скажет, что я у неё пирожок стащил. Вон тащит кулёк какой-то».

Тётка, подойдя, говорит:

– Да постойте же. Что вы набросились на мальчика как волки? Ничего он не крал. Пусть эта дура не выдумывает. Я видела, как он только вот пришёл. Потом уйти хотел, но не смог. Вы что, не видите, что ребёнок голодный и ему плохо?

– Голодный... – недовольно буркнул высокий. Вот такие же голодные на этой неделе... Да... что там говорить...

Высокий отвернулся, а тётка... даёт Ромке кулёк с пирожками:

– На, милый, покушай. И не бойся. Дяденьки отведут тебя в приют. Не век же тебе по улицам болтаться.

Ромка растерялся. Такого поворота дел он не ожидал. Тётка, которая сначала показалась Ромке злой, оказалась совсем и не злой. Даже наоборот.

– Ну чего ты? Бери, не стесняйся, – говорит тётка.

Ромка хотел взять кулёк правой рукой, но рука сильно болела. Пришлось взять кулёк левой рукой.

– Спасибо, тётенька, – сказал Ромка вслед уже уходящей торговке.

– Да ладно уж, чего уж там, – обернувшись, ответила торговка. – Ты кушай, сынок, кушай. А то вон как изголодал.

– Всё равно, спасибо вам, гражданка, – поблагодарил её пожилой милиционер, потом говорит Ромке:

– А ты давай топай с нами в отделение. Там во всём и разберёмся.

Идти было трудно, ноги заплетались от слабости. «Сесть тут, и пусть делают, что хотят», – подумал Ромка. Нет, он всё-таки не сел, а шёл дальше, жадно уминая пирожок за пирожком. А пирожки, после двух дней скитаний, казались вкусными. Плохо, только, что теперь болела рука. Приходилось доставать пирожки из кулёка левой рукой, а кулёк удерживать, прижав его локтем правой руки.

– Давай топай быстрее! – прикрикнул высокий. – Ишь, плетётся как черепаха!

– Не могу быстрее, – ответил Ромка, – сил совсем нет.

– Сил у него нет, видите ли... – Не подавись пирожком, щенок.

– Угомонись, Виктор! – сказал пожилой милиционер.

– Я-то угомонюсь, а вы, Николай Афанасьевич, смотрите, как бы этот воришка дёру не дал.

– Куда мне дёру-то давать? – сказал Ромка. – И никакой я не воришка. Я украл что-нибудь?

– Знаю я вашу воровскую породу, – ответил высокий.

– Виктор, да перестань ты уже! – Строго прикрикнул пожилой милиционер. – Ты что, не слышал, что сказала та гражданка на базаре?! Что он только пришёл и хотел уйти!

– Да чёрт с вами, – проворчал высокий. Всю остальную дорогу он не произнёс больше ни слова.

Отделение милиции было недалеко от базара. Оно располагалось на улице Вокзальной в небольшом двухэтажном здании. Это было здание постройки явно прошлого ещё века. Неказистое на вид, с растрескавшейся и местами отвалившейся штукатуркой. Впрочем, таких домов в городе было немало.

Вход в отделение милиции располагался ровно посередине здания. Над входом был деревянный козырёк, а к нему прикреплена фанерная табличка с надписью «Железнодорожное отделение милиции №1».

В кабинете, куда привели Ромку, стоял огромный письменный стол и несколько стульев. Справа от стола стоял книжный шкаф, но вместо книг в нём были какие-то папки, стопка бумаг и несколько толстых тетрадей. За столом сидела молодая «милиционерша». Это Ромка её так про себя назвал – милиционершей.

– Товарищ инспектор, – обратился к ней пожилой милиционер, – вот, привели с базара парнишку. Надо бы разузнать о нём и определить куда-нибудь.

– В колонию его надо определить, – проворчал высокий милиционер.

– Виктор, ну что ты, никак не возьмёшь себя в руки? – сказала ему «товарищ инспектор». – Нельзя же срывать на каждого ребёнка. Николай Афанасьевич, идите и подождите с Виктором у себя. Я позвоню, когда всё будет готово.

– Правда, Вить, пойдём, – сказал пожилой милиционер. И успокойся.

– Ладно, идёмте, – ответил высокий и вышел вместе с пожилым.

В отличие от милиционера Виктора, «товарищ инспектор» разговаривала с Ромкой спокойно, не кричала, не обзывала. Она усадила его на стул около стола. Говорит:

– Ну? И откуда же ты такой взялся?

– С улицы, – ответил Ромка. А что ещё он мог сказать? Не говорить же, что сбежал из госпиталя.

– Это понятно, что с улицы, – сказала «товарищ инспектор». – Живёшь-то где?

– На улице и живу.

– Так, ясно. Скажи тогда: родители или ещё кто-нибудь из родственников у тебя есть?

– Нет у меня никого.

– А как тебя звать?

– Ромка.

– Не Ромка, а Роман, – поправила «товарищ инспектор». – Надо называть полное имя. Ну а фамилия?

– Гусев.

«Товарищ инспектор» что-то записала в большую толстую тетрадь.

– Как звали отца, помнишь? Или маму?

– Так бы и спросили – про отчество. Васильевич я. А маму звали Лидой.

Как только Ромка подумал о папе с мамой, его глаза сразу намокли от слёз. «Товарищ инспектор» это заметила, и говорит:

– Ну ладно, Рома, прости, что спросила. Просто нам нужна как можно более полная информация. Надо же всё оформить. Посиди немного здесь, а я пойду и попробую что-нибудь о тебе разузнать. Надеюсь, не убежишь?

– Куда мне бежать-то? И зачем?

– Вот и хорошо. Договорились, значит. Скажи, только: ты в городе жил до войны?

– В городе. Только не в этом. Мы с мамой и папой приехали из Горького к знакомым в Минск, а тут как раз война началась. Мы хотели уехать в Горький, а добраться сумели только сюда, а тут уже немцы. Потом мама и папа... В общем, нет у меня больше никого.

«Товарищ инспектор» выслушала всё что рассказал Ромка, потом говорит:

– Вон оно как... Это усложняет дело. Вот если бы ты помнил, хотя бы, в каком районе жил. Хотя... откуда тебе это помнить.

– Что это, я помню. В Автозаводском.

– Помнишь?! – удивилась «товарищ инспектор». – Это уже лучше. Ладно, я постараюсь быстро всё разузнать. Ну, если получится, конечно.

Но вернулась она не очень быстро. Два раза в кабинет заходили какие-то дядьки. Спрашивали у Ромки, где товарищ инспектор. Ромка говорил, что «ушла что-то проверять». Потом зашла тётка... ну, лучше сказать не «тётка», а «дама». Ну, впрочем, без разницы. Так вот, зашла она в кабинет, тоже спросила про «товарища инспектора». Узнав, что её нет, спросила, скоро ли будет. Ромка сказал, что не знает, что сам давно уже ждёт. Как раз в этот момент и вернулась «товарищ инспектор».

– Здравствуйте, – поздоровалась дама.

– Здравствуйте, – ответила товарищ инспектор». – Присядьте, подождите немного. Я вот с мальчиком сейчас закончу, тут срочное дело.

– Ладно-ладно, я подожду, – ответила «дама».

«Товарищ инспектор» уселась за стол, и говорит:

– Рома, я еле дозвонилась до Горького. Связь очень плохая. И звонить пришлось два раза. Ждала, когда нам перезвонят – не дождалась. Пришлось снова звонить. Они очень долго искали твои данные. Нашли, что-то, но удалось прочесть только имя, отчество, фамилию и дату рождения. Возможно даже, что это не твои данные. Дело в том, что документы в архиве сильно пострадали во время бомбёжки. Скажи: тебе сейчас десять лет?

– Наверно.

– Что значит наверно?

– Я не знаю. Не помню.

– Да... Плохо, что не помнишь. Будем считать, что десять. Вот если бы ты помнил, хотя бы, какого числа твой день рождения... но...

– Я помню, – сказал Ромка. – Четырнадцатого июля.

– Вон оно как! Так это же прекрасно! Значит, всё правильно. В архиве нашли именно твои данные. Ну что ж, так и запишем.

«Товарищ инспектор» что-то написала на листке бумаги, затем что-то в тетрадь. Потом говорит:

– Рома, сейчас тебя отвезут в детский дом. Ты не бойся, там тебе будет хорошо.

– Я и не боюсь, давно уже отбоялся, – сказал Ромка.

– Вот и хорошо.

– Сколько же горя принесла война, – произнесла «дама».

– Да уж, – ответила «товарищ инспектор». – Сейчас-то уже мало к нам поступает таких вот, деток с изломанной судьбой, а год назад от них отбоя не было. В день бывало по десятку приводили.

«Товарищ инспектор» подняла трубку телефона, нажала на нём кнопку и сказала в трубку:

– Виктор, давайте давайте машину и с Николаем ко мне.

Виктор что-то отвечал, но Ромка не слышал. А «товарищ инспектор» спрашивает:

– Как нету? А где он?

Ей что-то ответили, а она:

– На вызове... Ладно, давай тогда ты один подходи. Отвезёшь мальчика в детский дом на улице Артельной. Там уже ждут. Только, Виктор, держи себя в руках.

«Товарищ инспектор» положила трубку телефона. Говорит Ромке:

– Роман, давай я налью тебе чай. Хочешь?

– Ага, – сказал Ромка. – Страх как пить хочется.

Да, жажда мучила его ещё сильнее, чем до этого голод. Особенно сильно хотелось пить после съеденных пирожков.

«Товарищ инспектор» разговаривала с «дамой», а Ромка пил чай. Виктор зашёл в кабинет, когда Ромка допивал уже второй стакан. «Товарищ инспектор» отдала милиционеру записку, которую только что написала. Виктор присел на стул, дождался, когда Ромка допьёт чай, и сказал ему, вставая со стула:

– Вставай, поехали.

Глава 3. Детский дом

Ромка вышел с милиционером из отделения милиции. На улице было очень тепло. Солнце на небосклоне давно перевалило за полуденную отметку, время шло к вечеру. Виктор теперь не держал Ромку за руку. Понял, что сбежать Ромка не собирается.

Около отделения милиции стояла машина. Чёрная, с фургоном. У фургона были по два зарешёченных окошечка с каждой стороны, а сзади – дверь. Такие машины в народе называли воронками¹. При виде воронка Ромке стало неудобно. Он знал, что в таких машинах обычно берут преступников. Не в тюрьму, конечно, его повезут, но всё равно неприятно.

– Виктор, ну сколько можно ждать? – проворчал шофёр, который тоже был в милицеейской форме.

– Это ты Ирочке спасибо скажи, – ответил ему Виктор. – Надо же было этого вору напоят чаем, сопли подтереть.

Было Ромке очень обидно от этих слов. Мало того, что ни за что ни про что назвали воругой, так ещё и про сопли выдумали. А Виктор командует:

– Лезь в машину!

Пришлось «лезть». Ромка еле вскарабкался в фургон, настолько там было высоко. Хоть бы милиционер помог, так нет же. Он дождался, когда Ромка залезет в фургон, и забрался туда уже следом за ним. Шофёр сел за руль. Поехали. Ромка не устоял на ногах и шлёпнулся на пол.

¹ Воронка – крытая машина, использовавшаяся для перевозки арестованных в сопровождении конвоя;

– Давай садись, – сказал милиционер, помогая Ромке подняться и показывая на скамью. Ромка уселся. Пока ехали, а это около десяти минут, Ромка даже не взглянул на милиционера.

Когда машина остановилась, и Ромка в сопровождении милиционера вышел из неё, он увидел перед собой старинное трёхэтажное здание, окружённое дощатым забором. Раньше Ромка тут не был, и видел это здание впервые. Несмотря на местами растрескавшуюся, а кое-где и осыпавшуюся штукатурку, Ромку это здание очаровало. Ему нравилась старинная архитектура.

В городе Горьком, в котором он жил с родителями до войны, тоже было много старинных зданий. Особенно, на улице Свердлова, куда он не раз ездил с родителями к маминим знакомым. Вот и тот дом, в который повёл его милиционер, тоже был построен в старинном стиле.

Итак, детский дом, размещался в старинном трёхэтажном здании. Окна здания были обрамлены лепными украшениями. Над окнами были узорчатые белые карнизы с фронтонами². От карнизов по бокам окон спускались вниз лепные пилястры³. Эти пилястры опирались на лепные подоконники. Вход в здание был окружён доходящей до второго этажа, могучей колоннадой. Колоннада поддерживала огромную террасу, огороженную балюстрадой⁴. Над террасой была опирающаяся на четыре колонны плоская крыша. Ромка поднялся с милиционером по ступенькам, и милиционер открыл входную дверь.

За дверью был небольшой коридорчик-тамбур, а дальше следующая дверь. После тамбура был просторный вестибюль с высоким сводчатым потолком. От вестибюля со стороны входа налево шёл длинный коридор. В дальней стороне вестибюля с левой стороны была широкая деревянная дверь. Такая же дверь была и с правой стороны вестибюля. Ещё одна дверь находилась за широким лестничным маршем, ведущим на второй этаж. Она, как в тот же день узнал Ромка, вела во внутренний двор детского дома.

Милиционер повёл Ромку по лестнице на второй этаж, там свернули в длинный коридор. С левой стороны коридора были окна, выходящие на улицу. Через окна была видна дорога за забором; на обочине дороги стоял «воронок», на котором привезли Ромку. По правой стороне располагались деревянные, видимо дубовые, двери. На предпоследней двери – табличка с надписью «ДИРЕКТОР», дальше – дверь с табличкой «МЕДКАБИНЕТ».

Милиционер постучал в дверь с табличкой «ДИРЕКТОР»

– Входите-входите, открыто, – послышался из-за двери мужской голос.

Виктор открыл дверь. Вошли. В довольно просторной комнате стоял письменный стол, за которым сидел пожилой мужчина с добродушным, но очень усталым лицом. Напротив стола стояли четыре стула. У левой стены недалеко от входа стоял диван, на котором лежало сложенное одеяло, а поверх одеяла подушка в белой наволочке. У правой стены стояла пустая этажерка и шкаф с книгами.

– Здравствуйте, Вячеслав Дементьевич, – поздоровался милиционер.

– О! Виктор! – обрадовался Вячеслав Дементьевич. Он встал из-за стола и вышел навстречу.

– Ну, заходите, заходите, – сказал он. – Рад тебя видеть, Виктор.

Директор поздоровался с Виктором за руку, а Виктор говорит:

– Вот, Вячеслав Дементьевич, привёл базарного воришку.

– Воришку?! – удивился Вячеслав Дементьевич. – А почему определили к нам, а не в колонию? И Ирина не предупредила, когда звонила.

² Фронтон – завершение фасада здания в верхней его части, ограниченное двумя скатами крыши по бокам и карнизом у основания. Кроме того, такие фронтоны использовались для оформления окон, дверей, арок старинных зданий.

³ Пилястры – вертикальные выступы стены, условно изображающие колонну.

⁴ Балюстрада – невысокое ограждение лестницы, балкона, террасы, состоящее из ряда фигурных столбиков (балясин), соединённых сверху перилами.

– Ирина? Вы же её знаете. Она любого малолетнего преступника считает чуть ли не ангелом. А этого взяли на базаре. Пришёл туда воровать. К счастью, украсть ничего не успел. Спасибо бдительной гражданке, которая заметила.

Ромка молчал. Что толку доказывать? Кому поверят? Ему, или взрослому? Тем более, милиционеру.

– Ну ладно, – сказал директор. – Будем надеяться, что у нас он исправится. Сам понимаешь, Виктор, что воровать ему приходилось не от хорошей жизни. Ведь надо же было как-то выживать. Ну, ничего-ничего. Теперь у него всё будет по-другому.

– Так ведь? – обратился Вячеслав Дементьевич уже к Ромке.

– Ага, – ответил Ромка. – Только я на самом деле никогда не воровал.

– А чем же занимался, пока бродяжничал? – сказал Виктор. – Воздухом питался?

– Не воздухом. Только лучше умереть, чем украсть. Вы что, видели, как я что-нибудь украл на базаре?

– Не успел украсть, – ответил Виктор, – потому что гражданка тебя заметила. Ведь не просто так ты туда пришёл.

– Я туда случайно пришёл. Хотел уйти, а дойти сумел только до забора. Вам же тётяшка всё рассказала. Она всё видела. Ну та, которая дала мне пирожки.

– Ладно-ладно, – прервал их спор Вячеслав Дементьевич. – Давайте оставим этот разговор. Главное, что теперь всё будет по-другому. Я смотрю, паренёк ты неплохой. Всё у тебя сложится. Сейчас сходим в столовую. До ужина ещё нескоро, но хоть чем-то утолишь голод.

– Я уже утолил. Тётяшка на базаре дала пирожки.

– Дала тётяшка? Или всё-таки украл?

– Нет, это правда, – сказал Виктор. – Пирожки гражданка ему действительно дала.

– Ну и ладно. Тогда сейчас в баню. Помоешься, тебе выдадут чистую одежду... Ну, в общем... пойдём, я тебя провожу.

– Да, чуть не забыл, – сказал милиционер. Он вынул из нагрудного кармана записку, которую дала ему «товарищ инспектор», и протянул её директору:

– Вот, возьмите, Вячеслав Дементьевич. Тут его данные.

Вячеслав Дементьевич взял записку, прочитал, говорит:

– Гусев... Роман... Что-то знакомое... Роман Васильевич... что-то крутится в голове, но не могу вспомнить... Ну ладно.

Директор подошёл к этажерке, вытащил из ящика папку и положил туда записку.

Ну, я пойду? – сказал милиционер. – Сами понимаете, служба.

– Да-да, конечно. Заходи почаще, Виктор. Не забывай нас.

– Хорошо, Вячеслав Дементьевич, – ответил милиционер.

Виктор ушёл, а директор подошёл к столу, уселся на стул, говорит Ромке:

– Роман, сейчас ты сходишь помываться в баню, потом получишь чистую одежду и постельное бельё. Потом к доктору.

– Зачем к доктору?!

Ромка испугался. Идти к доктору Ромке очень не хотелось. Вдруг доктор о чём-нибудь догадается? Ну, например, что Ромка не долечился и сбежал из госпиталя.

Директор не обратил внимания на Ромкины слова. Его другое озадачило. Говорит:

– Не пойму я что-то. Ты бродяжничал, а вид у тебя не как у беспризорника. Пострижен, не чумазый. Если бы не эти лохмотья вместо одежды, я не поверил бы, что ты беспризорничал.

– А что, трудно в речке помываться, чтобы не быть чумазым? – ответил Ромка. – А постричься можно не только в парикмахерской.

– А где же ещё можно постричься? – удивился Вячеслав Дементьевич.

– А есть ещё добрые люди, вот где. Не все же такие злые как этот милиционер.

– Роман, он не злой. Ну, может, он в чем-то неправ бывает... Видишь ли, у него большое несчастье. В общем, такие же беспризорники неделю назад...

– Директор осёкся на половине фразы, потом говорит:

– Ладно, Роман, давай не будем об этом. Идём. Я тебя провожу в баню.

Ну что ж, жизнь, казалось, налаживалась. Во всяком случае, в тот день ничего плохого больше не случилось. Сначала была баня, после бани выдали чистую одежду и постельное бельё. Потом Вячеслав Дементьевич проводил Ромку в спальню и показал ему свободную кровать.

Спальня была небольшая, не то что та огромная палата в госпитале. В спальне всего было пять коек. Две были уже заняты, и три свободны. Ромка выбрал свободную койку и положил на неё постельное бельё, после чего Вячеслав Дементьевич повёл Ромку к доктору.

Идти к доктору было страшнее всего. И действительно, доктор сразу спросил про шрамы, хотя они и были уже чуть заметны. Даже не шрамы, а уже чуть заметные следы, но доктор есть доктор, сразу понял, что это не царапины. Ромка ответил на расспросы доктора что-то невразумительное. Что-то похожее на то, что упал и поцарапался.

– Неслабо упал, – сказал доктор. – И поцарапался тоже неслабо.

Потом доктор выслушал сердце и лёгкие, померил давление и сказал:

– Со шрамами ты, конечно, обманываешь. Невозможно так упасть и так поцарапаться.

Ну ладно, со здоровьем всё в порядке, поэтому можешь не рассказывать, раз не хочешь.

Доктор ни о чём больше не спрашивал. В общем, обошлось.

Подшло время ужина. Ужинали в обеденном зале на первом этаже. Вход в обеденный зал был из вестибюля. Точнее, из коридора, идущего от вестибюля в дальний конец здания. Там, в конце коридора, и находился вход в обеденный зал. Вообще-то, комната хоть и была довольно большой, но на зал явно не тянула. Название «обеденный зал» было для этой комнаты неоправданно громкое.

В обеденном зале за двумя длиннющими, во всю комнату, столами уселись все воспитанники детского дома. Они были разного возраста: и совсем маленькие, и большие, лет по пятнадцать, хотя больших было не так уж и много. Когда Ромку привела туда одна из воспитательниц, все там собравшиеся сразу обратили на него внимание. Не просто так. Некоторые стали о чём-то перешёптываться, будто что-то уже знали о нём. Один, из старших, поглядывал на Ромку с плохо скрываемой усмешкой.

После ужина все ребята разошлись кто куда. Ромке нечем было заняться, да и устал он от всего пережитого за три дня. Вот он и отправился в свою спальню. Там он застал двух ребят. На самом деле, он их уже видел в обеденном зале. Один был чуть выше Ромки и заметно шире в плечах. У него были тёмные волосы, карие глаза. Второй был Ромкиного роста, светловолосый и не очень крепкого сложения. Почти как Ромка.

– Привет, – сказал первый, который был, наверное, чуть постарше Ромки. – Ты и есть, что ли, тот самый Гусев?

– Ага, – ответил Ромка, – это я. Только почему тот самый?

– Да так. Давай знакомится. Меня зовут Колей. Фамилия – Птицын. А это, – он кивнул на второго, – Васька. Не удивляйся, но фамилия у него очень подходит к имени. Васька Васькин.

– Ну и что? – сказал Васька Васькин. – Я виноват, что ли, что такая фамилия?

– Ну вот, обиделся, – сказал Коля. А Васька:

– Ничего и не обиделся. Рома, а правда, что ты... ну, это... – Васька замялся.

– Что правда? – не понял Ромка, а Коля говорит:

– Рома, не обижайся только. Я же почему сказал, что тот самый. Просто тут один урод про тебя такое всем рассказывал.

- Урод?!
- Ну, не в том смысле, что урод, а просто гад он. Серёга Марьин.
- А что он про меня рассказывал? – спросил Ромка. – Откуда вообще про меня знает?

- Он всегда всё первым узнаёт. Он ходил и всем рассказывал... Ты только не обижайся, ладно? Он всем говорил, что ты вор.
- Вор?! Никакой я и не вор. Это милиционер про меня наговорил всякого, хотя ничего про меня не знает.
- Точно, – сказал Коля. – Я вижу, что не вор. Я людей насквозь вижу. Вот только другие что подумают?
- Да ладно, – сказал Васька, – не больно-то этому гаду кто поверит. Ему только воспитатели верят и директор. Вот что милиционер набрехал, это плохо. Хотя странно, что набрехал. Витя просто так... Ну ладно, ты не думай. Вячеслав Дементьевич потом всё равно поймёт, что это враньё.
- Ром, а ты из этого города? – спросил Коля.
- Нет, – ответил Ромка. Я с папой и с мамой к их знакомым приехал, в Минск, а тут как раз война. Бомбить начали, потом фашисты появились. Пытались уехать домой, но там такое творилось. Сюда не помню, как добрались, а тут снова бомбы. Мама и папа, когда бомбили, куда-то пропали. Мне сказали потом... В общем, нет у меня теперь никого...
- Понятно. Мы с Васькиным тоже не из этого города. Нас сюда из Михайловского привезли, когда наши его освободили.
- А что это такое Михайловское?
- Посёлок такой. Это недалеко отсюда. Ну, вроде Осинки. Наши родители там погибли. Немцы их расстреляли. Когда наши освободили посёлок, нас сюда и привезли.

Вот такие были дела. Ромка много всего узнал из рассказов Коли и Васьки. Ещё о многом можно было бы поговорить, но на улице начинало темнеть, наступил вечер. В комнату заглянула женщина. Не очень молодая, но и не старая. Не пожилая даже. С каштановыми слегка волнистыми волосами, собранными на затылке в пучок.

– Всё-всё-всё! – сказала она. – Заканчиваем разговоры, и спать. Уже десятый час.

Женщина ушла, прикрыв за собой дверь, а Ромка поинтересовался, кто это.

– Это наша воспитательница Марина Ивановна, – объяснил Васька. – Она добрая, только строгая.

– Ага, – подтвердил Коля, – строгая, зато справедливая. Ладно, давайте спать.

Глава 4. Беды начались

После трёх дней скитаний по улицам без пищи и крова, мягкая тёплая постель казалась Ромке верхом блаженства. Вот только никак не получалось быстро заснуть. Это оттого, что не давало покоя всё пережитое за день. Даже не за день, а за все три дня после побега из госпиталя. Заснуть удалось только под утро.

Сон был беспокойным. Снился базар. Снилось визгливая тётка, орущая «держите вора». Снилось, как все торговцы, показывая на Ромку, хором кричали «ворюга». Потом появились два милиционера – оба одинаковые, с лицами милиционера Виктора. Потом приснился директор Вячеслав Дементьевич. Приснилось, как милиционеры наперебой рассказывали директору, что Ромка вор, что украл пирожки у торговки, а потом обокрал весь базар...

Неожиданное резкое пробуждение. Это с Ромки рывком сдёрнули одеяло. Потом крик:
– Ты что, из благородных бояр?! Или, может, воров общий порядок не касается?!
Подъём – он для всех подъём! И для воров тоже!

Это орал дежурный – один из старших воспитанников. Тот самый, который в обеденном зале ухмылялся, глядя на Ромку.

Ромка сел на краю кровати, спустив ноги на пол. Огляделся. Увидел прямо перед собой дежурного. Коля и Васька уже не спали. Они стояли рядом.

А спать Ромке хотелось жуть как. Веки слипались сами по себе.

– Вставай, ворюга! Чего расселся?! – заорал дежурный.

Ну до того стало Ромке обидно, что он не удержался и закричал в ответ:

– Ты сам ворюга!

Коля и Васька после Ромкиных слов испуганно замерли на месте. Они-то знали, что за этим последует.

Сильный удар в грудь свалил Ромку с кровати на пол. Тут уж Ромка разревелся. Ещё бы. Ведь ещё в госпитале, сколько прошло времени, пока утихла боль в груди и в руке, а от удара заболело так, как никогда ещё не болело.

– Марьин! Что происходит?! – Это в спальню вошла воспитательница Марина Ивановна.

Марьин оправдывается:

– Марина Ивановна, этот ворюга обозвал меня вором, вот я ему в воспитательных целях и отвесил.

– Ты сам ворюга! – снова слёзы крикнул Ромка, пытаясь подняться с пола.

– Гусев, – сказала воспитательница, – что это за манеры?! Ты почему хамишь старшим товарищам?!

– А он почему?! – крикнул Ромка.

– Так, хватит! – сказала Марина Ивановна. – Заканчивай истерику и быстро одеваться, раз уж проснулся! И на зарядку!

Потом, уже Марьину:

– А ты, Марьин, иди и буди остальных! А руки больше не распускай!

Марьин вышел, а Марина Ивановна говорит Ромке:

– Гусев, чтобы я больше не слышала, как ты обзываешь своих товарищей!

– Товарищей?! – закричал Ромка. – Он мне не товарищ! Он фашист! Он первый начал обзывать! И так больно после вчерашнего, а тут он ещё! Стукнул, где сильнее всего болело!

– Так, хватит кричать, Гусев! Потом, обращаясь к Коле и Ваське:

– А ты, Птицын, и ты, Васькин, тоже давайте не задерживайтесь. Проводите Гусева на спортивную площадку. Он, наверное, ещё не знает, где это. Вообще всё ему покажите.

Марина Ивановна вышла, а Васька говорит:

– Ром, ты зря обозвал Марьина.

– Ага, – подтвердил Коля, – Зря ты его обозвал.

– Да?! А что делать, если он первым обзывается?!

– Ему лучше не отвечать, – сказал Коля. – Ты только себе сделаешь хуже. Он теперь будет мстить.

– Не испугался! Пусть только заденет ещё раз! Зубами в него вцеплюсь! Умру, но не сдамся!

– Ага, так ты с ним и справишься. Он знаешь, какой сильный. Даже старшие с ним не связываются. И вообще, он любимчик директора. Вячеслав Дементьевич не знает, какой гад этот Марьин.

– Всё равно не боюсь! Отбоялся уже! Давно отбоялся!

– Да ладно тебе, – сказал Васька, – всё равно его когда-нибудь побьют. Уже побили один раз, так он после этого долго никого не задевал. Пошли на зарядку, а то опоздаем.

– Я не смогу на зарядку, – сказал Ромка. – Болит жуть как.

– А что болит-то? – спросил Коля.

– Вот тут, – показал Ромка. – Это из-за вашего Марьина. И так болело, а тут он ещё, гад.

– Пройдёт, – сказал Коля.

– Ага. Через год, и то может быть. А может, уже и никогда не пройдёт.

– Да ладно тебе. Всё когда-нибудь проходит. Только старайся с Марьиным больше не спорить.

Спортивная площадка находилась во дворе детского дома. Она была расположена недалеко от бани и со всех сторон была окружена деревьями: липами, клёнами, тополями. На площадке толпились мальчишки и девчонки – воспитанники детского дома.

– Давайте скорее! – крикнула им тётка в синем спортивном костюме. Это была физрук. Ромка потом называл её физручкой. Ему объясняли, что так говорить неправильно, что пра-

вильно будет физрук, а он говорил, что физрук – это если он, если она – то физручка. Ну же и смеялись над этим.

– Все построились! – скомандовала физрук. – Разминка! На пра... во!

Пока просто шагали вокруг спортивной площадки, все было хорошо, но вот потом...

– Переходим на бег! – скомандовала физрук, и все побежали. Все, кроме Ромки. То есть Ромка тоже попробовал бежать, но у него не получилось. Кто-то из ребят налетел на него сзади. Ромка упал и, с трудом поднявшись, отошёл в сторону. А физрук ему:

– Новичок, что происходит?! Почему не бежишь?! Ну-ка давай присоединяйся!

– Я не могу! – крикнул Ромка. – Не получается, почему-то!

– Эх ты! Ну ладно! Придётся с тобой отдельно позаниматься!

Разминку закончили. Построились. Физрук Ромке:

– Новичок! Давай тоже становись в строй!

Ромка встал в строй. Физрук продолжает:

– Первое упражнение – потягивание! Руки поднимаем вверх, поднялись на носочки, вдох – раз, два! Опустили руки, расслабились, выдох – три, четыре! Раз, два! Три, четыре!..

На следующие «раз, два» боль усилилась, на «три, четыре» – притупилась. Раз, два – заболело ещё сильнее, появилась боль в правой руке. Три, четыре – боль осталась. Раз, два... Боль пронзила всё тело, весь мир померк. Здание, деревья, земля – всё зашаталось. Потом... Ромка успел ощутить удар спиной о землю. «Вот и всё, это конец...» – успел он подумать.

Ромка очнулся в медкабинете. Он лежал на кушетке, а под голову была подложена небольшая подушечка. Около стеклянного шкафа, в котором были разложены на полочках разные склянки и коробочки, суетился доктор Иван Евгеньевич. Заметив, что Ромка открыл глаза, доктор подошёл к нему и говорит:

– Что же это ты так, голубчик? Всех нас напугал. Даже собирались скорую помощь вызывать. Скажи: часто у тебя бывали обмороки?

– Не было никогда, – ответил Ромка.

– Как это? Не было, не было, и вдруг раз – и обморок?

– Не обморок.

– Да что ты говоришь. Что же, если не обморок?

– Это от боли. Не пошёл бы на зарядку – ничего бы и не случилось.

– Хм... от боли, говоришь?

– Ну да. Вот тут болит, а ещё рука, – показал Ромка.

– Странно... Ну-ка подними рубашку, я ещё раз послушаю.

Доктор взял трубку, выслушал сердце. Заставил глубоко дышать. Дышать глубоко тоже было больно. Ромка сказал об этом. Доктор пожал плечами, и говорит:

– Ничего не понимаю. Всё в норме. Вот только эти шрамы... Всё-таки было у тебя что-то серьёзное. Откуда эти шрамы?

– Я же уже говорил, что упал. Давно.

– Упал... От «упал» таких шрамов не бывает. И операцию не делают, а у тебя следы от операционных швов. Зачем обманываешь? Ну ладно, сердце в порядке, лёгкие... Не придумываешь про боль?

– Не придумываю.

– Странно. Ну ладно, я скажу, чтобы от физкультуры тебя пока освободили, а дальше посмотрим. Можешь идти.

Ромка встал, заправил рубашку и вышел из кабинета. Коля и Васька, оказывается, ждали его за дверью.

– Ну, ты как? – спросил Коля, как только Ромка вышел в коридор.

– Нормально, – соврал Ромка.

Нет, не совсем было нормально. Боль, хоть уже и несильная, ещё оставалась.

– А что было-то? – спросил Коля. – Ты почему упал?

– Да так, болит, потому что. Я же говорил, что не смогу. Если бы ещё не этот Марьин, может, ничего и не случилось бы. Из-за того, что стукнул, страх как заболело.

– Не может так заболеть от того, что стукнули, – засомневался Васька.

– Ага, если раньше ничего такого не было.

– А что раньше-то было? – поинтересовался Коля.

– Да так. Не хочу рассказывать.

– Почему не хочешь?

– Не хочу, чтобы знали. И вообще... вспоминать... Я вообще тогда думал, что убьёт, что насмерть.

– Кто убьёт?! – испуганно спросил Коля.

– Не кто, а что. И вообще... Не хочу, чтоб знали.

– Ладно, Коль, – сказал Васька, – не надо выпытывать. Мало ли у кого что было.

– Конечно, – согласился Коля. – У каждого может быть, о чём он не хочет рассказывать.

– Ладно, айда в обеденный зал, а то опоздаем на завтрак, – сказал Васька.

Глава 5. Мост

«Мало ли у кого что было». Васька был прав, сказав это. И Коля это понимал. Ведь и Коля, и Васька тоже хлебнули горя. Но вот то, что довелось пережить Ромке, пережить было невозможно. Точнее не пережить, а остаться в живых. Ромка вообще не мог понять, каким чудом он остался жив.

Это было в начале октября, когда город уже освободила Красная Армия. Фронт двинулся дальше на запад, а из военных в городе остался только небольшой взвод. Он охранял только что переведённый в город, поближе к фронту, военный госпиталь. Оставался ещё бывший партизанский отряд, под командованием Семёна Игнатьевича Ивлева. Почему бывший? А потому, что это был уже не партизанский отряд, а отряд Красной Армии. Он тоже должен был присоединиться к наступающим частям. Должен был, но не успел.

Того, что произошло через два дня после освобождения города, не ожидал никто. Фашисты смогли прорвать линию фронта на юге, за рекой. Танковый полк и армада эсэсовцев двинулись к мосту. Это была катастрофа. Если бы фашистам удалось войти в город, наступление Красной Армии на этом участке остановилось бы надолго. Даже, может быть, несколько полков попали бы в окружение. Сколько людей тогда погибло бы, страшно было даже представить.

Итак, кроме отряда Ивлева, остановить фашистов было некому. Спешившие на подмогу отряды с фронта не успевали, а у отряда Семёна Игнатьевича, дяди Сёмы, не хватило бы сил остановить такую армаду в открытом бою. Оставался только один шанс – взорвать мост через реку. Тогда фашисты не смогут переправить по мосту танки и другую технику. Это их задержит до подхода отрядов Красной Армии.

Семейный лагерь решили на всякий случай отправить подальше в тыл, потому что неизвестно было, смогут ли партизаны остановить фашистов. Подготовили к эвакуации и военный госпиталь, только что обосновавшийся в здании бывшей городской больницы в конце улицы Малиновой. Там уже стояли машины с фургонами, в которые грузили раненых.

Ромка видел, как отряд уходил к мосту. Когда партизаны скрылись за прибрежным холмом, в путь отправился и семейный лагерь.

Тревожно было у Ромки на душе. Он чувствовал, что должно случиться что-то страшное. Когда семейный лагерь двигался по улице Малиновой, со стороны реки донеслись звуки взрывов. Нет, это был не взрыв моста, это рвались снаряды. Послышались автоматные очереди. Было ясно, что у партизан что-то пошло не так. А не так пошло всё.

Только спустя время узнали, что бойцы отряда успели заложить заряд, но взорвать мост им не удалось. Между партизанами и подошедшими к мосту эсэсовцами завязался неравный бой. Осколком снаряда перебило провод, идущий к заложенному заряду, поэтому мост так и оставался не взорванным.

Стрельба быстро стихла. Ромка почувствовал, что случилось непоправимое. Вообще, все это почувствовали. Остановились. Стали строить догадки о том, что могло случиться, о том,

что делать дальше. Дядя Артём, которому Семён Игнатьевич поручил увести семейный лагерь в тыл, сказал, что нужно идти дальше.

– Но там же что-то случилось! – закричал Ромка.

– Мы всё равно ничем уже не поможем, – ответил ему дядя Артём. – У нас же только старики и вот такие как ты ребяташки. Что мы можем сделать?

Да, Ромка понимал, что сделать они ничего не смогут, но спокойно продолжать путь он тоже не мог. То, что творилось у него на душе, не описать словами. Выбрав подходящий момент, Ромка сбежал.

Когда Ромка прибежал на берег, все партизаны лежали там без движения на взрытой снарядами земле. Все до одного, и дядя Сёма тоже. Мост так и не был взорван, а танки на другом берегу уже подъезжали к мосту.

Ромка стоял подавленный непоправимым горем. Слез не было. То есть были, конечно, но только поначалу. Потом остались только отчаяние и ненависть к врагам, к убийцам, рвущимся в город, к тем гадам, из-за которых Ромка остался совсем один.

Будто сжатая пружина сработала внутри и погнала Ромку к тому месту, откуда свисал обрывок перебитого провода. Ромка даже не помнит, откуда взялся у него тот револьвер.

Когда он бежал по мосту навстречу немецким танкам, ему показалось, что кто-то кричит ему, зовёт, умоляет: «Рома, не надо, вернись...». Голос был похож на голос дяди Сёмы. Ну, мало ли что может почудиться в те считанные секунды, когда прощаешься с жизнью.

Вот уже и то место, под которым заложен заряд. Узкая щель между железными плитами моста. Ромка присел, поднёс дуло револьвера к щели между железными плитами настила и нажал на курок. Револьвер выстрелил, но пуля не попала по взрывателю. Второй выстрел – тоже мимо. А танки уже близко. Из люка ближнего танка высунулась фашистская морда. Весёлая. Смеётся и орёт:

– Киндер, не убегай! Мы тебя сейчас будет немножко задавлиять!

Ромка с трудом просунул ствол револьвера в щель между плитами. Ствол еле пролез туда, но почти коснулся взрывателя. Ясно, что теперь Ромка не промахнётся. Снова голос: «Рома! Скорее уходи!»

Ромка посмотрел вокруг. Вот он этот мир, который он пока ещё видит, ощущает. Сейчас всё исчезнет. Исчезнет вместе с Ромкой. Он даже не будет знать, что этот мир был, есть. Просто всё пропадёт. Абсолютно всё и навсегда.

«Получайте, гады!» – Ромка закрыл глаза и нажал на курок. Огненная стена перед глазами. Будто тысячи иголок вонзились в правую руку. Что-то ударило в грудь и в живот. Летящая прямо на Ромку огромная железная плита от моста. Мост под ногами пошёл вниз, а Ромку ударило плитой и кинуло в реку.

Падение. Удар спиной обо что-то не очень твёрдое, но и не очень мягкое. Всплеск воды. Долгое полузабытьё. Нереальные образы в угасающем сознании...

Перед тем как Ромка очнулся, ему пригрезилось странное летучее «транспортное средство». Это непонятное сооружение медленно летело на небольшой высоте над покореженными конструкциями рухнувшего моста. Оно было сделано из железных швеллеров, из таких же, что и высотные подъёмные краны. Эта непонятная штуковина была длиной не меньше десяти метров, сзади широкая – метра два в ширину, спереди – не больше метра.

Итак, эта громадина медленно плыла по воздуху. Спереди и сзади были площадки, огороженные заборчиками из металлических прутьев. На передней площадке сидела девочка. На вид ей было лет восемь или девять. На задней площадке находился олень. Олень стоял задними ногами на площадке, а передними вращал педали, приводя это сооружение в движение.

Было непонятно, как такая махина могла держаться в воздухе. Ведь у неё не было крыльев как, например, у самолёта. А если и были бы, то при такой медленной скорости они не смогли бы удержать эту громадину в полёте.

«Летучая повозка» медленно проплыла над Ромкой и опустилась на воду прямо перед ним. Олень перестал крутить педели, а повозка стояла на воде, как на твёрдой поверхности.

Девочка оказалась прямо напротив Ромки. У неё были густые прямые чёрные волосы, собранные и перевязанные сзади светлой лентой. Зрачки глаз у странной наездницы были совершенно чёрные. Были у неё длинные чёрные ресницы и чёрные брови. Девочка сказала:

– Рома, ничего не бойся. Ты жив. Правда, твой организм повреждён очень сильно... Но ничего, я зарядила тебя энергией, так что всё будет хорошо. Не бойся, ты в любом случае останешься жив. Даже если у докторов ничего не получится, то поможет мой друг. А сейчас ребята тебе помогут.

Послышались другие голоса:

– Смотрите, пацаны! Вон ещё один не похороненный!

– Ага... пацан какой-то...

– Надо сбегать в посёлок, сказать, чтобы похоронили.

– Ага...

Ромка открыл глаза. Никакой летучей повозки он перед собой не увидел. Зато он увидел ватагу мальчишек разного возраста. Мальчишки уже стояли вокруг Ромки на песчаной отмели, на которой он лежал. Нет, это уже был не бред, мальчишки были настоящими.

– Ой! Смотрите! – вскрикнул один из них. – Он живой!

– Не может быть!

– Глянь сам! Он смотрит!

Мальчишки наклонились над Ромкой. Один из них, – похоже, что самый старший – кричит:

– Валерка, давай быстрее гони в посёлок за лекарем! Мы пока сделаем носилки!

– Ага! Я побежал! Я ща! Я быстро!

Снова темнота, а потом видение – летучая повозка. Девочка улыбнулась и помахала Ромке рукой. Олень начал крутить педали, повозка поднялась ввысь и растаяла в синеве.

Потом снова были голоса, что-то плавно качало Ромку. Потом тишина, потом снова голоса. Ромка разбирал только обрывки фраз: «...наверно, всё бесполезно... может, есть ещё шанс... какой шанс? Ранения смертельные, какой тут... спорить! На счету каждая секунда! В операционную! Скорее!

Тишина. Потом яркий свет. Потом что-то накрыло глаза, снова стало темно. Последняя услышанная фраза: «Наркоз...» – и... полное забытьё.

Когда Ромка очнулся, было утро. Может, конечно, это было не утро, но всё равно за окнами палаты было светло. Утро, вечер ли, но за окном была зима. Ветви деревьев были без листьев и были покрыты белым пушистым снегом. Но самое главное было в том, что у Ромки ничего не болело. Была только такая слабость, что невозможно было даже пошевелиться.

Ромка лежал на койке, укрытый одеялом. В большой палате стояло ещё множество коек. На них лежали и сидели мужчины. Некоторые из тех, что сидели или ходили, были в армейской форме, некоторые – в больничных пижамах. По палате ходил доктор в белом халате, накинутом поверх военной формы. Увидев, что Ромка очнулся, он быстро подошёл, присел на край койки, и говорит:

– О, господи... Ну, наконец-то. А ведь никто не верил, что выкарабкаешься. Четыре месяца без сознания. Исхудал-то как на одних растворах. Ну, ничего, теперь дела пойдут на поправку. Будем постепенно привыкать к нормальной пище.

Ромка хотел спросить, где он находится, но вместо слов получился шёпот. Даже не шёпот, а не поймёшь что. Доктор ему говорит:

– Нет-нет, разговаривать ты пока не сможешь. Не трать силы. Кстати, давай познакомимся. Меня зовут Иваном Петровичем. Я главный врач военного госпиталя. Ну а своё имя ты назовёшь, когда сможешь говорить.

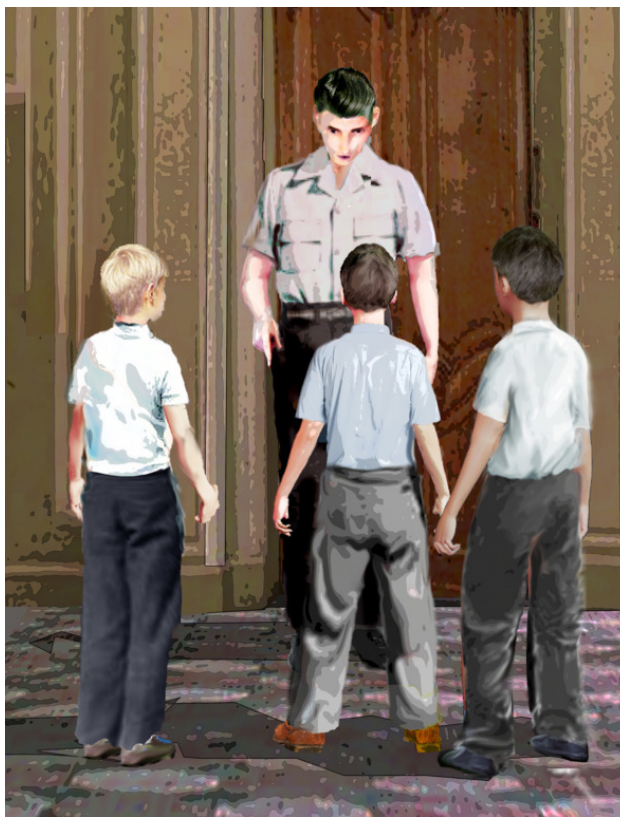
Потянулись дни, недели, месяцы. Временами появлялась боль, медсестра делала укол – боль пропадала. В палате менялись раненые. Одни выздоравливали и отправлялись на фронт, но появлялись новые, а Ромка так и продолжал лежать, не вставая.

Когда он смог, наконец, встать с постели, за окном была уже весна. Теперь Ромке нужно было заново учиться ходить.

С какого-то момента дело на поправку пошло быстро. Главное, ничего уже не болело и без уколов. Пришло, наконец, время, когда Ромка мог уже ходить без посторонней помощи. Вот тогда он и сбежал из госпиталя. На третий день после побега он оказался на базаре. Это было уже без малого через год после взрыва моста.

Рассказывать обо всём этом Ромке не хотелось. Хотелось поскорей забыть весь этот ужас.

Глава 6. Безобразная драка

На завтрак, хоть чуть-чуть, но опоздали. Когда Ромка, Коля и Васька пришли в обеденный зал, Марина Ивановна спросила:

– Вы где гуляли?

– Марина Ивановна, – ответил Коля, – вы же знаете, что Гусеву было плохо.

– Про Гусева знаю, но вы-то, почему опаздываете? Вам тоже стало плохо?

– А мы волновались. Ждали, когда его доктор отпустит.

– Ладно, давайте проходите. После завтрака останетесь убираться. Ты, Птицын, и ты, Васькин.

– А я? – спросил Ромка.

– Что а ты?

– Почему только им остаться? Почему мне нельзя? Мы же вместе.

– Лучше, Рома, тебе сегодня не перенапрягаться. Отдохни. А то после того, что с тобой было...

– Ну это из-за зарядки было. Тут же не зарядка. Можно и мне остаться?

– Ну... не знаю... Я бы, на твоём месте, лучше отлежалась в постели.

– Зачем? Доктор сказал, что всё в порядке. Он только от физкультуры пока освободил.

– Ну ладно, ладно. Оставайся, если хочешь.

После завтрака, когда обеденный зал опустел, друзья собрали со столов посуду, отнесли её в мойку. Она находилась в том же обеденном зале – за перегородкой. Там же, за перегородкой, находилась кухня с большущей железной кухонной печкой для приготовления пищи. Друзья помогли тёте Нюре вымыть посуду. Покончив с уборкой, решили пойти во двор, где были уже почти все воспитанники детского дома. Но... не тут-то было.

Когда друзья вышли в вестибюль, у них на пути нарисовался Марьин. Нарочно ведь поджидал, гад.

Преградив путь, говорит Ромке:

– Ну чё, гусь, будешь извиняться?

Ромка сначала растерялся, но быстро нашёл, что ответить. Говорит Марьину:

– Я, во-первых, не гусь, а во-вторых...

– Я сказал, гусь, значит, гусь! – перебил его Марьин.

– Коля Ромке:

– Ром, не связывайся. Делай, что он скажет.

Но Ромка снова говорит Марьину:

– Повторяю. Во-первых, я не гусь, а во-вторых, за что это мне извиняться?

– Ты чё, забыл?! – орёт Марьин. – Кто назвал меня вором?!

– А меня кто?!

– Так ты и есть вор! Мильтон про тебя всё рассказал!

– А ты видел, как я воровал?!

– Слышь, ты! Мне некогда с тобой базарить! Будешь извиняться, или нет?! А то ща ввалю неслабо!

Коля Ромке:

– Ром, не спорь с ним. Побьёт.

– Пусть попробует! – ответил Ромка. – Умру, но не сдамся!

– Умрёшь, если не извинишься! – «обнадёжил» Марьин.

– Ты сам извинись! – со злостью сказал Ромка. – И за обзывательство, и за то, что ударил!

– Чего?! Чего ты вякнул, букашка?

– Сам букашка! – ответил Ромка.

Марьин подскочил к Ромке и повалил его на пол. Ромка увидел летящий прямо в лицо кулак, но движение кулака вдруг замедлилось, почти остановилось. В этот же миг Ромке, как год назад, привиделась летучая повозка и девочка на ней.

– Не бойся, Рома, ты справишься, – сказала девочка. – Я снова зарядила тебя энергией. Проучи этого хулигана. Видение исчезло, а в Ромку влилась невиданная сила. Он подумал в тот раз, что это от злости.

Ромка двумя руками обхватил руку Марьина за запястье и, что есть силы, сжал её, остановил. У Марьина в руке что-то хрустнуло, и он вскрикнул от боли. Марьин попытался вырвать руку, которую держал Ромка, но не смог этого сделать.

Ромка поднялся на ноги, с силой откинул руку Марьина. Нет, не только руку, потому что Марьин вслед за рукой по инерции отлетел к стене. Испугался, но снова пошёл на Ромку. Ромка, подпрыгнув, обхватил Марьина за шею. Марьин, упал на спину. Ромка, усевшись на него верхом, вцепился ему в волосы и с неожиданной для себя силой прижал его головой к полу. Марьин пытался вырваться, но у него ничего не получалось. Тогда он стал что есть силы колотить Ромку коленями по спине, а руками продолжал пытаться освободиться от Ромкиной железной хватки.

От ударов по спине снова заболело в груди. После каждого удара боль усиливалась, но Ромка не сдавался. Он ещё сильнее прижал голову Марьина к полу. Марьин взвыл от боли, а Ромка говорит ему:

– Проси прощения за вора!

– Гусев! Прекрати немедленно! – услышал Ромка испуганный возглас Марины Ивановны. Ромка отпустил Марьина, поднялся. В руке остался клочок волос. К боли, появившейся от ударов по спине, добавилась боль в правой руке.

Коля и Васька стояли чуть поодаль со странным выражением на лицах. Это было что-то среднее между удивлением и восторгом.

Марьин тоже поднялся с пола. Вид у него был испуганный, недоумевающий. Аккуратно причёсанные до этого волосы, были растрёпаны и торчали во все стороны. По выражению лица Марьина было видно, что он не может понять, как Ромка с ним справился.

Снова видение – летучая повозка. Голос девочки:

– Рома, восстанови энергию.

Пауза. Потом снова:

– Восстанови энергию! Ну восстанови же энергию! Ведь сразу всё пройдёт!

Снова пауза, а потом:

– Ну как хочешь, – и повозка исчезла.

Марьин стоял теперь чуть позади от Марины Ивановны, а та продолжала кричать:

– Как это понимать, Гусев?! Что ты вытворяешь?! Правильно говорил милиционер, что в колонии тебе место!

– Марина Ивановна, Марьин сам первый полез, – пытался заступиться за Ромку Коля.

– Ага, первый, – подтвердил Васька. – Мы видели.

Марьин погрозил Коле и Ваське кулаком.

– Не знаю, кто первый, кто второй, но я видела, что вытворял Гусев! – ответила воспитательница. – А ещё от физкультуры освободили! Симулянт! Сейчас соберём педсовет, и будем решать, что с ним делать!

– Делайте, что хотите, – тихо сказал Ромка. – Можете хоть застрелить.

– Что-что?! Ты ещё и дерзить вздумал?!

– Ничего я не вздумывал. Просто мне уже всё равно.

На сбор педсовета не ушло много времени. Через полчаса все воспитанники были в так называемом актовом зале. Вход туда был из вестибюля, через дверь в левой стороне.

Актовый зал и правда оказался залом. Не то что обеденный. Как в кино или в театре. Там была и сцена, и белый экран на задней стене за сценой, и «киношные» кресла. Кресла были составлены вплотную около дальней стены, но их быстро расставили рядами и усадили на них «зрителей» – воспитанников. Напротив рядов кресел, почти около сцены, поставили длинный стол, за которым уселся весь «педагогический коллектив» во главе с Вячеславом Дементьевичем.

Ромка тоже хотел сесть вместе с ребятами, но ему не позволили. Заставили стоять напротив стола. Стоять было трудно из-за ещё не прошедшей боли. Ромка сказал об этом, но Вячеслав Дементьевич всё равно не разрешил сесть.

– Ничего, постоишь, не барин, – сказал он. – Провинившемуся положено стоять. И нечего врать, что что-то болит, потому что Марина Ивановна видела, что ты вытворял. Если бы болело, не справился бы с Серёжей.

Потом Марине Ивановне.

– Ну, рассказывайте, Марина Ивановна. Что наделал этот негодник?

Марина Ивановна принялась живописать о том, как вор и бандит Гусев чуть не убил высокочтимого «Серёженьку Марьина». Так и сказала:

– Только что я стала свидетелем безобразной драки, которую устроил Гусев. Гусев чуть не покалечил Серёженьку Марьина. Он, наверное, мог бы его даже убить, если бы я не оказалась там вовремя.

– Ничего я не устраивал! – крикнул Ромка. – Он сам первый полез! Птицын и Васькин это видели!

– Гусев, тебе ещё дадут слово! – прервал его директор. Продолжайте, Марина Ивановна.

– А что продолжать? – сказала воспитательница. – Пусть Гусев сам объяснит, почему он напал на Серёжу.

– Хорошо, – согласился директор. – Ну? Что скажешь, Гусев? Почему ты избил старшего товарища?

– Товарища?! – возмутился Ромка. – Фашисты мне не товарищи!

За столом поднялся возмущённый гул. Директор Ромке:

– Гусев! Ты совсем распоясался! Ты знаешь, что у Серёжи и мать, и отец героически погибли на фронте?! Они сражались с фашистами ради всех вас! Они отдали свои жизни, чтобы вы остались живы!

– Это его родители сражались! А такие гады, как этот, были предателями и полицаями! – ответил Ромка.

Шум за столом усилился, стали отчётливо слышны возмущённые реплики.

– Выбирай слова, Гусев! – прикрикнула на Ромку Марина Ивановна.

– Вот-вот, именно! – поддержал её Вячеслав Дементьевич. – Надо выбирать слова.

– Я и выбираю, – сказал Ромка. – Фашиста называю фашистом, гада – гадом.

– Гусев! Хватит уже! – крикнула из-за «судейского стола» Марина Ивановна. Что за манера обзывать товарищей!

– Я же сказал, что фашисты мне не товарищи! Почему он меня преследует?!

За столом теперь был не просто шум, а самый настоящий гвалт.

– Тише, товарищи, тише, – обратился к «педагогическому коллективу» директор. Когда шум за столом стих, Вячеслав Дементьевич говорит Ромке:

– Во-первых, Гусев, перестань обзывать Серёжу, а во-вторых, скажи, когда это он тебя преследовал?

– Когда?! А с самого начала! Утром! И теперь он сам полез драться! Думал, что большой и справится! Ошибочка вышла! Не справился! Вы спросите у Птицына и у Васькина! Они всё видели!

– Ладно, – сказал директор. – Птицын, что вы с Васькиным видели?

– Всё видели, – ответил Коля. – И как Марьин стал приставать к Роме, а потом полез драться. И как Рома дал ему сдачи, мы всё видели. Правда, Вась?

– Ага, точно, – подтвердил Васька.

– Птицын, Васькин, – сказал Вячеслав Дементьевич, – вы что, не знаете правил? Когда отвечаете, надо вставать.

Коля и Васька поднялись с кресел.

– Ладно, садитесь уж... – сказал им Вячеслав Дементьевич. – Я вас понимаю. Вы хотите выгородить своего нового товарища. Только я вам не верю, потому что хорошо знаю Серёжу.

Потом Вячеслав Дементьевич обратился к «педагогическому коллективу».

– Товарищи, – сказал он, – я всё-таки считаю, что нужно дать Гусеву шанс. Он у нас только второй день. Даже первый. Он не привык ещё к нашим порядкам. Пусть пообещает, что больше не будет устраивать драки, и будет вести себя хорошо.

А стоять Ромке было трудно. Мучила боль, хоть уже и несильная. Из-за этого он уже с трудом понимал, что говорил Вячеслав Дементьевич. Неожиданно Ромка снова услышал голос девочки с летучей повозки:

– Я же говорила тебе, чтобы ты восстановил энергию. Почему не восстанавливаешь?

– Как её восстановить? – тихо проговорил Ромка.

– Просто, – ответил голос. – Взял, и восстановил.

Потом прорезался шум за столом и голос Вячеслава Дементьевича:

– Да, теперь это непросто. Думать надо было раньше. Восстановить репутацию всегда труднее, чем её потерять. И вообще, стой спокойно. Провинившемуся положено стоять, а не вертеться из стороны в сторону?

– Стоять положено провинившемуся? – спросил Ромка.

– Да, провинившемуся, – повторил директор.

– Вот пусть тогда Марьин и стоит, а мне трудно стоять, потому что болит. Сил больше нет.
– А избивать Серёжу были силы?! – возмутилась Марина Ивановна. – А теперь притворяешься, что нет сил?!

– Я не притворяюсь, – ответил Ромка. – И вообще, делайте, что хотите. Я страх как устал. Что вам от меня нужно?

Снова видение. Под самым потолком зала пронеслась и исчезла знакомая летучая повозка. Сидели на ней уже двое. Вместе с девочкой там был светловолосый мальчишка примерно её же возраста. Что удивительно, у Ромки мгновенно прошла боль. Вячеслав Дементьевич отвечает Ромке:

– Нужно нам не так уж и много. Мы хотим, чтобы ты раскаялся в своём поступке и извинился перед Серёжей за драку и оскорбление.

– Не буду извиняться! – ответил Ромка. – Не за что мне извиняться! И раскаиваться не в чем! Это он пусть извиняется и раскаивается!

– Извинишься, – «обнадёжил» директор. Потом Марьину говорит:

– Серёжа, подойди сюда.

Марьин, который сидел в первом ряду, встал, подошёл и с надменной ухмылкой встал напротив Ромки. Ромке противно было даже смотреть на него.

– Ну. Давай, Гусев, извиняйся, – сказал Вячеслав Дементьевич.

– За что? – спросил Ромка.

– За фашиста, – с противной ухмылкой произнёс Марьин.

– А ты извинись за вора, за то, что утром ударил. А ещё за то, что было, когда мы закончили убираться.

Марьин усмехнулся, и говорит:

– Ты и есть вор.

Ромка ему:

– А ты и есть фашист. Если ещё хоть раз полезешь драться, я тебя убью. Я смогу, я уже убивал фашистов.

Что тут началось! Поднялся такой крик и гам, что невозможно было разобрать, кто что кричит. Когда же, наконец, шум стих, директор сказал:

– Гусев, в наказание за сегодняшний проступок и за безобразное поведение на педсовете, проведёшь остаток дня в спальне.

Потом воспитательнице:

– Марина Ивановна, возьмите у завхоза ключ и запирайте Гусева.

Глава 7. Убивал фашистов

«Убивал фашистов...» Да, это было почти правдой. Хотя почему почти? Ведь когда Ромка выстрелил по взрывателю, по мосту уже двигались фашистские танки. Ещё и эсэсовцы, сидевшие на броне тех танков. Ромка и сам не мог ответить себе на вопрос, это ли он имел в виду, когда сказал, что убивал фашистов. Так или иначе, но это он, Ромка, взорвал заложенный партизанами заряд. Но в тот момент Ромка и сам прощался с жизнью. А на самом деле не так-то просто убить даже врага, фашиста.

Воспоминания. Проклятая память. Она никак не хочет выкинуть из головы те события. Вот и теперь, когда Ромка остался один в запертой спальне, те события как наяву вставляли перед мысленным взором.

Амбар за посёлком Осинки. Охранники, стерегушие взятых в плен партизан. Казалось бы, что Ромке стоило бросить гранату в тех эсэсовцев? Что уж было проще? Ведь Ромка забрался тогда на крышу амбара, а охранники находились внизу, прямо под ним. Он их видел, а они его нет. Бросаешь сверху гранату, и всё – охранники убиты. Ромке останется только открыть дверь амбара, которая заперта всего лишь на щеколду, накинутую на петлю. Вынимаешь из петли деревянный клин, откидываешь щеколду – и партизаны на свободе. Но нет, кинуть в фашистов гранату Ромка не смог. Почему? А потому, что он видел их лица – обычные человеческие лица.

Итак, июль сорок третьего года. Ночь. Охраняющие амбар эсэсовцы сидят прямо около двери амбара вокруг костра, греются, о чём-то болтают. Весёлые. Даже, казалось, добродушные.

Ромка несколько раз порывался выдернуть чеку и бросить гранату вниз, но так и не смог этого сделать. Но что-то делать надо было. Ведь утром фашисты казнят захваченных в плен партизан. Да, только утром. Время до рассвета ещё было, но не так много, чтобы медлить.

Идея пришла внезапно. И как раньше Ромка до этого не догадался? Да, это рискованно, зато убивать никого не придётся. В перелеске за амбаром есть большая и очень глубокая, не меньше трёх метров, яма, выбраться из которой ой как непросто. Надо каким-то образом заманить туда фашистов. Пока они будут пытаться выбраться оттуда, Ромка успеет открыть амбар.

Ромка тихо спустился с крыши по пристроенной к задней стене амбара лестнице и пошёл к перелеску. Вот и яма. Издали в темноте почти незаметная. Теперь надо собрать побольше веток, и замаскировать ими яму так, чтобы её совсем не было видно. Останется только заманить туда охранников.

Ромка старался всё делать тихо, но тихо не получалось. Видимо, фашисты услышали шум со стороны перелеска. Это стало ясно по тому, как они замолчали. Насторожились. Ромка увидел, как они вышли из-за амбара. Держа наготове автоматы, они двинулись к перелеску. Остановились.

Ромка затаился, спрятавшись в овражке под корнями упавшего дерева позади ямы. Фашисты некоторое время стояли неподвижно, потом один из них что-то сказал двум другим. Все трое рассмеялись и вернулись к костру.

Много же ушло времени, чтобы полностью закрыть яму ветками. Яму теперь совсем не было видно, несмотря на то, что начинало светать. Ну что ж, теперь надо устроить шум, и Ромка его устроил. Он нашёл кусок толстой ветки, и стал колотить ей по стволу дерева. Фашисты снова притихли, потом все трое снова вышли из-за амбара.

Теперь Ромка не прятался. Дразня фашистов, кричал им «хэндэ хок», «Гитлер капут» и ещё что-то. Фашисты сначала оторопели от такой наглости, а потом один из них заорал:

– Киндер! Уходить прочь! А то мы тебя немножко стрелять!

Надо же. Фашисты, а стрелять сразу не стали. Просто хотели прогнать. Ромка продолжал кривляться и дразнить фашистов. Вот только тогда один из них поднял автомат. Ромка успел плюхнуться в овражек как раз в тот момент, когда фашист дал очередь из автомата. Стрелял явно не в Ромку, а выше, по листве деревьев. Высунувшись из овражка, Ромка крикнул:

– Попробуй, попади, фашистская морда!

Тут уж стрелять стали все трое. Ромка снова спрятаться в овражке, а фашисты бегом бросились к нему. По треску ломающихся веток, по крикам и ругани Ромка понял, что все трое попали в западню. Выглянув из овражка, Ромка убедился, что так оно и было. Фашисты что-то орали, стреляли из ямы по небесам, а Ромка побежал к амбару. Надо было торопиться, пока фашисты не выбрались из устроенной Ромкой ловушки.

Ну что ж, дело сделано. Партизаны на свободе. Ромка отдал гранату дяде Сёме.

– Как ты это сделал? – удивлённо спросил Семён Игнатьевич. Ромка рассказал.

– Не ожидал я, – признался командир. – И всё-таки ты сильно рисковал. Мог погибнуть.

– А что было делать? – сказал Ромка.

– Ну... ладно, не обижайся. Спасибо тебе, Роман.

А в посёлке Осинки уже поднялся переполох. Это, услышав стрельбу около амбара, всполошились фашисты. Надо было торопиться, пока они ещё далеко. Партизаны быстро добежали до моста, подгоняя связанных эсэсовцев. Вот уже и другой берег, лес. Ночью фашисты туда не сунутся. Хотя... после последней взбучки они уже и днём туда старались не соваться.

После того происшествия Семён Игнатьевич передал в Москву просьбу о предоставлении Ромки к очередной награде. Именно к очередной, хотя и две первых Ромка ещё не получил, даже не знал о них.

Вот такое было у Ромки приключение. Не первое, так как Ромка много раз ходил в город в разведку. А ещё был и связным между подпольем в городе и партизанами. Не раз он попадал в ситуации, когда ему приходилось проявлять немалую смелость и находчивость.

А потом был последний Ромкин поход в город, когда фашисты всё-таки схватили его. В тот раз он должен был доставить из штаба подпольщиков в городе какие-то сведения для партизан. Он, как всегда, переоделся в тряпье, чтобы выглядеть обычным беспризорником, и отправился в город. Вот только никто не учёл, что Ромку некоторые из фашистов уже знали в лицо. Знали и ненавидели его лютой злобой, потому что он здорово им насолил. Вот он и попался, не добравшись до штаба.

Пытать начали не сразу. Сначала пробовали выведать адрес штаба подпольщиков «по хорошему». Какими только благами ни соблазняли – не получилось. Тогда стали грозить такими карами, от которых стыла кровь в жилах. Бесполезно. Вот тогда и дошло дело до пыток. Обещали на следующий день убить, но утром Ромке удалось от них сбежать.

Перед самым рассветом третьего дня Ромке удалось освободиться от верёвок, которыми он был связан по рукам и ногам. Фашисты не додумались, что торчащая из стены железка – неплохой инструмент для перепиливания верёвок. Трудно было добраться до железки верёвкой, связывающей руки. Получилось. Зато перепилить верёвку о ту железку удалось минут за десять. Ну а когда руки оказались свободными, распутать остальные верёвки оказалось вовсе не трудно. Но как теперь выйти из запертой комнаты?

Ромка знал, что первым в камеру приходит высокий тощий эсэовец. Приходит один, а ещё трое, появляются чуть позже. Вот он и приготовился встретить первого – тощего. Соорудив около двери «башню» из стола и табуретки, Ромка залез туда, прихватив с собой гирию от рычажных напольных весов. Гирия была тяжёлая, и Ромке удалось затащить её наверх с большим трудом.

Забравшись на это сооружение, Ромка стал ждать. Ждал долго, но, наконец, послышались шаги за дверью. Звук вставляемого в замок ключа. Дверь открылась, вошёл тощий. Войдя

он остановился, в полном недоумении. Он смотрел туда, где до этого был привязан Ромка. Но Ромки там не было, как не было и стола.

Долго недоумевать Ромка ему не дал. На голову эсэсовца сначала обрушилась гиря. Когда тот уже лежал на полу, на него рухнул ещё и сам Ромка вместе с табуреткой. Этого оказалось более чем достаточным, чтобы надолго отключить тощего.

Ромка выскочил из камеры на улицу, и бросился к спасительному проулку, что ведёт с Малиновой в Осинки. Вот только знал он, что фашисты бросятся за ним в погоню с овчаркой. Собака по следу точно уж его настигнет.

Что делать? Но и тут Ромка быстро сообразил, как обмануть фашистов. Он пробежал мимо берёзы, растущей недалеко от полусгоревшего сарая в проулке, добежал до склона, а потом тем же путём вернулся к берёзе. Подпрыгнув, ухватился за толстую ветку, нависшую над тропинкой. Подтянулся на ветке и кое-как влез на неё. По ветке добрался до ствола дерева, а дальше уже по другой ветке добрался до крыши сарая и спрыгнул в чёрный от копоти прогал. Затаился на обугленной от огня балке под крышей и стал ждать.

Долго ждать не пришлось. Фашисты пробежали с овчаркой мимо берёзы и скрылись в высокой траве, растущей на лугу. Овчарка исправно вела преследователей по следу. Ну и пусть. Через километр след оборвётся. И точно. Вскоре преследователи вернулись. Вид у них был понурый. Они прошли мимо сарая, не догадываясь, что Ромка рядом, и скрылись из вида, но всё равно Ромка оставался в сарае до темноты.

Задание он всё-таки выполнил. Ночью прокрался к дому, в котором находился штаб подпольщиков, а точнее квартира одной из подпольщиц тётки Нины. Тётя Нина служила у немцев переводчицей. Но это для вида, а на самом деле выведывала там секретные данные, которые потом поступали к партизанам. Она знала, что Ромку схватили фашисты, но ещё не знала, что ему удалось сбежать. Увидев его, удивилась и обрадовалась. Отдав Ромке бумаги, которые он должен передать партизанам, велела ему быстрее уходить из города. Вот так и закончилось последнее Ромкино боевое задание.

Когда Ромке исполнилось девять лет, в отряде его приняли в пионеры. Да-да, не удивляйтесь, был в семейном лагере при партизанском отряде самый настоящий пионерский отряд. Была там и школа. Ненастоящая, конечно, школа, зато учителя были настоящие.

Всё эти события пронесли в памяти, когда Ромка лежал на кровати в запертой спальне. Видимо, уже во сне. Потом всплыли события последних дней, только всё там было нереально перемешано: Базар; пирожковая торговка; тётка, орущая «ворюга»; Милиционеры вместе с Вячеславом Дементьевичем на базаре; противно ухмыляющийся Марьин в эсэсовской форме в компании с другими эсэсовцами. В общем, снился какой-то абсурд, но... сон внезапно прервался.

Глава 8. Как Ромка «украл ключ»

Нет, это было не пробуждение, а будто переход в иную реальность. Мало того, эта «иная реальность» помещалась в уже знакомой спальне, хотя немисливо превосходила размеры самой комнаты. Ромка увидел возникшую неизвестно откуда летучую повозку с двумя пассажирами. Мальчишка, сидящий вместе с девочкой на передней площадке, крикнул оттуда:

– Рома, не расстраивайся! Мы с тобой встретимся! Когда закончится война, я приду к вам и наведу порядок! А на воспитателей не злись! Они не виноваты! Они просто заблуждаются!

Повозка сделала два гигантских круга под крохотным по сравнению с ней потолком спальни и опустилась на пол. Было непонятно, как в спальне поместилась такая громадина. Даже этот олень с трудом бы там поместился, а тут такая машина.

Мальчик и девочка сошли с повозки. Сошёл с задней площадки и олень. Олень подошёл к Ромке и ласково ткнулся носом ему в грудь. Сразу стало хорошо и спокойно, прошла тревога. Мальчик и девочка тоже подошли к Ромке. Теперь он мог без труда рассмотреть их лица. Девочка была черноволосой и черноглазой... ну, её Ромка уже видел. Там, у моста. Мальчик, в отличие от неё, наоборот был светловолосый и с ясными голубыми глазами. На вид оба были примерно Ромкиного возраста.

– Это всё из-за милиционера, – сказала девочка.

– Ага, из-за него, – подтвердил мальчик, – но на него тоже не злись. У него случилось несчастье. То есть не у него самого, а с его другом беда. Его тяжело ранили беспризорники. Представь, из пистолета стреляли. Вот дядя Витя никак и не успокоится.

– Как это ранили?! – в ужасе спросил Ромка. – Они что, фашисты?!

– Нет, они не фашисты, им самим плохо.

– Тогда почему стреляли?

– От страха они стреляли, – сказала девочка. – Думали, что милиционеры хотят сделать им что-то плохое, вот и стреляли. У вас тут теперь столько горя. Не понимаю, зачем люди устраивают войны.

– Не люди, а политики, – возразил мальчик.

– А разве политики не люди? – спросила девочка.

– Люди и политики не одно и то же, – возразил мальчик. – Есть такие политики, которые не люди, а нелюди. Из-за таких нелюдей и происходят все беды на Земле, и войны тоже.

– А что делать, чтобы эти нелюди не устраивали войны? – спросил Ромка.

– Это совсем не просто, – ответил мальчик, – но главное, надо самим не быть нелюдями. Если мы будем вершить Добро, то это Добро будет вытеснять, убивать Зло. Ну а с нелюдями надо поступать жёстко. Только так можно сделать мир лучше. Кстати, война закончится в следующем году. Девятого мая. То есть восьмого, но объявят об этом девятого.

– Откуда знаешь? – спросил Ромка.

– Знаю. Потому что я из будущего. Я потом всё тебе расскажу.

Видение исчезло, и Ромка проснулся. Он представил себя на месте милиционера, и ему стало чуть не до слёз жалко и самого милиционера, и его друга. Утешеньем было только то, что рассказ о друге милиционера всего лишь приснился. И всё-таки обида на милиционера Виктора прошла, Ромка больше на него не злился.

Проснувшись, Ромка не сразу заметил, что дверь спальни открыта. Увидел это только тогда, когда за дверью послышались шаги и голоса. В спальню зашли Вячеслав Дементьевич, Марина Ивановна и... Марьин.

– Гусев, где ключ?! – прямо с порога спросил директор.

– Какой ключ? – не понял Ромка. Он был в полном недоумении.

– Который ты стащил у завхоза, и которым отпер дверь в спальню, – пояснил Вячеслав Дементьевич.

– Я?! Стащил?! Ничего я не стаскивал! И дверь я не отпирал! Я уснул, а когда вот только что проснулся, дверь была открыта.

– Не выдумывай, – сказала Марина Ивановна. – Серёжа всё видел.

– Что он видел-то?!

– Во-первых, не кричи. Серёжа видел, как ты подкрался к комнате завхоза и снял с гвоздя ключ.

– А как я отсюда вышел, чтобы туда подкрасться? Ведь дверь-то была заперта.

Марьин сначала растерялся, а потом противно усмехнулся и сказал:

– А ты, гусь, ещё утром его стащил. Когда мы были на зарядке.

«Так он ещё и дурак» – догадался Ромка. Говорит ему:

– А ты, значит, не был на зарядке и видел, как я стаскивал ключ? И если я стащил ключ утром, то чем потом запирали дверь?

Теперь Марьин совсем испугался, поняв, что сказал глупость.

– Да, действительно, – сказал Вячеслав Дементьевич. – Серёжа, ты ничего не напутал про ключ?

– Он не напутал, а наврал, – сказал Ромка. – А ещё он дурак, оказывается. Не подумал, как правильно врать.

– Гусев! – закричала Марина Ивановна. – Ты снова за своё?! Опять обзываешь?!

– Ничего и не обзываю. Дурак – это же не обзывательство. Это болезнь такая. Психическая.

– Так, хватит ёрничать, – сказал Вячеслав Дементьевич. – Не понимаю. Стащить действительно не мог... Но дверь-то отперта, и ключа нет на месте. Ничего не понимаю...

– Вон ключ, – сказала Марина Ивановна, – лежит около тумбочки.

Ключ и правда оказался там, куда показала воспитательница. Вячеслав Дементьевич подошёл, поднял его, и спрашивает у Марьина:

– Серёжа, ты точно видел, как кто-то украл ключ?

– Видел... только плохо рассмотрел, кто это был.

– Это утром было?

– Не помню... – стал выкручиваться Марьин. – Нет, это уже после того, как Гусева заперли.

– Гусев, кто отпирал дверь? – спросил директор у Ромки.

– Не знаю, я спал, – ответил Ромка. Потом, немного подумав, говорит:

– Наверно Марьин и ключ украл, и дверь открыл.

– Гусев! – закричал директор. – Прекрати выдумывать! Марьин не способен на подлость!

Запомни это!

– Запомню, только фашисты на всё способны.

– Так! Хватит! Я хотел тебя выпустить, чтобы ты успел на обед, но теперь передумал! За обзывательство и клевету ты лишён сегодня и обеда, и полдника, и ужина! А если ещё что-нибудь вытворишь – отправишься в колонию!

– Во, точно, – сказал Марьин. – Там будешь хвастаться, как убивал фашистов.

– А я хвастался?! – закричал Ромка. – Думаешь, это так просто, убить?! Даже фашиста?!

Вновь пронеслись в памяти события у амбара, мост. Слёзы вырвались наружу. Ромка плюхнулся на кровать, и заревел, уткнувшись лицом в подушку. А Марьин, насмешливо:

– Смотрите, как разревелся этот, который гроза фашистов. Вот нюни распустил, герой.

Ромка, сквозь слёзы:

– Заткнись, гад! Что тебе от меня нужно?! Что я тебе сделал?!

– Мне ничего не нужно, – ответил Марьин. – Просто я не терплю болтунов и трусов, которые хвалятся, какие они герои. А ещё не терплю воров.

– Серёжа, хватит уже! – прикрикнул на Марьина Вячеслав Дементьевич. – Тоже знай меру! Иди на обед!

– Но кто же мог украсть ключ? – вполголоса проговорила Марина Ивановна.

– Может, Васькин или Птицын? – предположил директор.

– Нет, они не могли, – сказала Марина Ивановна. – Ясно, что Гусев этого сделать не мог, но и Птицын с Васькиным не могли. Они сегодня работали в подсобном хозяйстве. Пропали-вали грядки и никуда не отлучались.

– Тогда ничего не понимаю, – сказал Вячеслав Дементьевич. Потом Ромке говорит:

– Гусев, ладно уж. Тоже давай иди в обеденный зал.

– Не пойду, – ответил Ромка. – Пусть моя порция достанется этому доблестному Марьину.

– Марина Ивановна, – сказал воспитательнице Вячеслав Дементьевич, – пожалуйста, оставьте нас одних. Надо нам поговорить. Да, вот ещё, что. Занесите ключ завхозу.

– Хорошо, занесу, – сказала Марина Ивановна, взяла у Владимира Дементьевича ключ и вышла.

Вячеслав Дементьевич пододвинул к Ромкиной койке стул и уселся на нём.

– Ну вот, что, – говорит, – давай не будем раздувать конфликт. Ни к чему хорошему это не приведёт. Прости за историю с ключом. Не понимаю, почему я сразу не сообразил, что ты не мог его стащить. Просто гипноз какой-то. Ну ладно. Забыли. Хорошо?

– Ага, хорошо, – ответил Ромка.

– Вот и ладно. Но вот с той дракой... Вот смотрю я на тебя, и не пойму. Сразу, как только Виктор привёл тебя, мне показалось, что паренёк ты порядочный, что вести себя будешь хорошо, что всё у тебя хорошо сложится, а ты вон что вытворяешь. Драку устроил, обзывал Серёжу. Почему так?

– Потому что я ничего не устраивал. Или надо было, чтобы Марьин меня поколотил? Я что, не должен защищаться?

– Рома, ну никогда я не поверю, что Серёжа может сделать что-то плохое. Я ведь его хорошо знаю.

– Ага. Вы знаете, а ребята не знают? Коля... Ну, Птицын. И Васькин тоже. Они говорили, что он первый начал. Почему им не верите?

– Ну, что там у вас творилось, мне рассказала Марина Ивановна. Она видела, как Серёжа лежал на полу и пытался вырваться. Рассказала, как ты вцепился ему в волосы и не давал подняться с пола. Или ты хочешь сказать, что она всё это выдумала?

– Нет, не выдумала. Так и было. Только она не видела, как Марьин стал ко мне приставать, а потом полез драться. Повалил на пол... Птицын и Васькин видели, а вы...

– Ладно, давай оставим этот бесполезный разговор. Всё-таки постарайся вести себя хорошо. Вставай. Пошли на обед.

Глава 9. Неожиданная встреча в подвале

Итак, наказание за «безобразную драку» длилось недолго, не весь остаток дня. Ромка даже на обед успел. До обеденного зала его проводил сам Вячеслав Дементьевич.

Когда Ромка оказался в вестибюле, большинство воспитанников толпилось около двери обеденного зала. Коля и Васька тоже были там. Они о чём-то разговаривали с Наташкой Кольцовой из соседней, из «девчоночьей» комнаты. Увидев Ромку, обрадовались. Спросили, на обед его выпустили, или насовсем.

– Насовсем, наверно, – сказал Ромка.

– Не наверно, а насовсем, – подтвердил Вячеслав Дементьевич. – Надеюсь, что больше такого не повторится.

– Вячеслав Дементьевич, – говорит Коля, – ведь это не Рома устроил драку, а Марьин.

– Так, всё, давайте не будем об этом, – ответил директор и пошёл к стоящим отдельной группой воспитателям.

– Почему он такой злой? – спросил Ромка.

– Кто? – не поняла Наташка.

– Директор.

– Он не злой. Просто он не знает, какой гад этот Марьин. Думает, что это ты его обидел.

– Как же. Обидишь его.

– А здорово ты с ним расправился, – сказал Васька. – Ты где так драться научился?

– Нигде. Я и сам не понял, как получилось.

– Зато теперь все знают, что этот гад получил от тебя сдачи, – сказал Коля.

– А ещё, – добавила Наташка, – все знают, что ты не виноват, и никакой не вор.

– Откуда знают-то?

– Ну, мы же всё видели и всем рассказали, – объяснил Васька.

И тут за спиной у Ромки раздался голос Марьины:

– А с вами двоими, я ещё разберусь без свидетелей.

Коля и Васька испуганно отшатнулись, а Ромка в ответ:

– Тебе мало было? Только задень хоть кого. Я же тебе обещал, что убью? Вот и убью, если заденешь.

– Ага, и сразу в колонию.

– Зато ещё одним фашистом на Земле станет меньше!

Подошла Марина Ивановна. Спрашивает:

– Ну? Помирились?

– Ага, помирились, – соврал Марьин.

– Не помирились, – сказал Ромка. – Пусть только заденет ещё раз кого-нибудь. Только что он Птицыну и Васькину грозился, что с ними разберётся.

– Ну вот, снова ты за своё. Давайте заходите в зал. Обед уже готов. И прекращайте этот ваш конфликт.

– А я что, не хочу, чтобы без конфликтов? – ответил Ромка. – Это ваш Серёженька не хочет прекращать.

– Ну всё, хватит! Марш в зал!

После обеда Ромка вместе с Колей, Васькой и Наташкой вышел во двор. Следом за ними вышел и Марьин. Он держался на почтительном расстоянии. Видно было, что после полученной от Ромки встрёпки, устраивать новую драку он боится. Скорее всего, он ожидал момента, когда Коля и Васька останутся одни. Понял, что в этот раз не дожждётся, и ушёл за небольшой низкий пристрой к зданию. Ромка говорит:

– Вот не пойму. Ну ладно, Вячеслав Дементьевич не злой. Ну, думает, что Марьин никогда ни в чём не виноват. А почему Марьин такой?

– Потому что он гад, – ответил Коля. – Он раньше даже над малышами издевался, когда никто не видел. Потом перестал, потому его Витя за это поколотил.

– Какой ещё Витя? – спросил Ромка.

– Ну, он теперь в милиции работает, а до этого жил у нас. Он ещё год назад ушёл в милицию. Ну, когда нас всех здесь собрали. Он сначала в ремесленное училище поступил, но потом его позвали в милицию. Это который тебя привёл с базара.

– Ничего себе... – сказал Ромка. – Сначала за малышей заступился, а потом на меня наговорил всякого.

– Не злись на него, – сказал Коля. – Просто у них там случилось кое-что. Они когда беспризорников забирали, чтоб устроить в приют, один из них стрелял из пистолета. Ранил одного милиционера, который потом чуть не умер. Вот Витя никак и не успокоится. А вообще, он добрый.

– Ага, как же, добрый. А ещё Марина Ивановна справедливая.

– Не злись на него, – сказал Коля.

– Я и не злюсь... уже, – ответил Ромка.

– А Марина Ивановна... Она же не видела, как Марьин полез драться, вот и подумала, что ты первый начал. Так что не злись.

– Я не злюсь, только странно.

– Чего странного-то? Что не злой, или что беспризорник стрелял?

– Нет. Не это. Понимаешь, приснилось кое-что.

– А что приснилось? – спросила Наташка, и Ромка всё рассказал. Рассказал о том странном сне... то есть не сне, а видении. Рассказал, как тот привидевшийся мальчишка тоже говорил о том, что беспризорники ранили друга милиционера.

– Так бывает, – сказал Коля. – Мне вот тоже, ещё в Михайловском, приснилось, что началась война, и она на следующий день началась.

– Это называется вещим сном, – объяснила Наташка.

– А ещё он сказал, – вспомнил Ромка, – что война закончится в следующем году девятого мая. А ещё сказал, что придёт к нам и наведёт у нас порядок. Вот бы и правда так случилось.

– Случится, – сказал Коля. – Война по любому закончится. Скоро уже, потому что наши добивают гадов. А наводить порядок придётся нам самим.

– А как?

– Надо сделать так, чтобы Марьина застала которая-нибудь из воспитательниц, когда он сам кого-нибудь заденет. Например, снова к тебе пристанет. Вот тогда они поймут, что он гад.

– Не, он ко мне не пристанет. Боится, что я смогу дать сдачи. Только на самом деле не смогу. Как сегодня получилось, я не понял. А ещё, когда он полез драться, тоже было видение.

– Какое видение? – спросил Коля.

– А с той же летающей штуковиной. Но там была только девчонка. Она сказала, что зарядила меня энергией, и что поэтому я справлюсь с Марьиным. И справился.

– Слушайте, а вдруг это не видение?! – предположила Наташка. – Вдруг это всё по правде было?

– Тогда и вы бы это видели, – ответил Ромка. – Вы видели эту летучую штуку?

– Нет, не видели, – сказал Коля.

– Ну и вот. Значит, это видение. Только сила и правда откуда-то взялась.

– Да, чудно.

– Чудно, но с Марьиным как теперь делать? Ну, меня он боится, а вас-то не боится.

– А давайте всегда быть вместе, – предложила Наташка. – Если вместе, то он побоится нас задеть.

– А если нам пойти к Вячеславу Дементьевичу, и рассказать ему всё про Марьина? – предложил Ромка.

– Не поверит, – сказал Коля. – Уже сколько раз рассказывали, а он не верит.

– А почему не верит?

– Думает, что Марьин хороший, а мы на него наговариваем.

– А вот интересно, – говорит Ромка. – Вот смотрите, почти все мужчины были на фронте. Ну и сейчас тоже. А вот Вячеслав Дементьевич был на фронте или нет?

– Он не был, – ответил Коля. – А при чём тут это?

– Да так. Странно.

– Ничего странного. Он просился на фронт, но его не взяли.

– Почему?

– Потому что он был учителем, а учителей сначала не брали. Потом стали брать, но Вячеславу Дементьевичу уже было больше пятидесяти. А кому больше, тех и теперь не берут. Это нам Марина Ивановна рассказала, когда нас всех в этом доме собрали.

– А мне этот дом нравится, – сказал Ромка.

– Ещё бы, – говорит Коля. – Он и немцам понравился. Они, как только город заняли, устроили тут комендатуру. Это нам тоже Марина Ивановна рассказывала. А до этого тут была школа, а до революции – реальное училище.

– А что такое реальное училище?

– Ну, это тоже такая школа. Для богатых. В ней учили всяким таким наукам, как математика, физика и ещё всяким техническим.

– А ещё тут в подвале остались какие-то штуковины, ящики с какими-то вещами, – сказал Васька. – Это Сеня Кашин рассказал. Старшие все туда ходили смотреть.

– Ходили в подвал? – удивился Ромка. – А как они туда попали?

– Это просто, – сказал Коля.

– А как?

– Вон там, видишь? – показал он рукой на пристрой, к которому ушёл Марьин. – С той стороны вход. Он забит досками, но доски еле держатся. Можно их отодвинуть, и пролезть туда.

– А давайте посмотрим, что там? – предложил Ромка.

– А что, давайте, – согласился Коля.

Вчетвером они направились к пристрою. Доски и правда были почти не закреплены. Точнее, совсем не были прибиты, а просто приложены.

От двери вниз вели каменные ступеньки. Друзья спустились по ним, и оказались в сумраке подвала, заставленного деревянными ящиками.

Протиснувшись между ящиков, ребята двинулись вдоль подвала, тускло освещаемого светом, пробивавшимся через крошечные окошки. Со двора эти окошечки были видны у самой земли, а в подвале они находились высоко под потолком.

Васька с Наташкой ушли далеко вперёд, а Ромка и Коля остановились около большого непонятного Ромке механизма.

– Это фрезерный станок, – стал объяснять Коля. – Вот смотри, это...

Васька и Наташка с визгом, точнее с визгом только Наташка, а Васька с криком, бросились назад. Чуть не сбили с ног.

– Вы чего? – спросил Коля.

– Там кто-то есть! – испуганно, крикнула Наташка.

– Ага, кто-то прячется, – подтвердил Васька.

– Вы чего? Кто там может прятаться? – удивился Коля.

– Не знаю, – сказала Наташка, – только там было слышно, как кто-то ходит.

- Ага, а потом что-то упало, – сказал Васька.
- Идёмте, посмотрим, – предложил Коля.
- Да ну ещё, я боюсь, – ответил Васька.
- Я тоже не пойду, – сказала Наташка.
- Ну вы и трусы, – пристыдил их Коля. Потом Ромке говорит:
- Ром, айда тогда вдвоём. Или ты тоже боишься?

Ромка боялся, но как сознаться, что он трус? Как потом с этим жить? Ромка замылся, не зная, что ответить. Признаться, что трус? Особенно, после того как по первое число высыпал Марьину? Все ведь теперь считают Ромку чуть ли не героем. Да и нет там никого, за теми ящиками... может быть. Мало ли что Ваське и Наташке почудилось. Не может там никто прятаться... наверное.

– Ну что, пойдёшь, или как? – переспросил Коля.

– Идём, конечно, – ответил Ромка, стараясь не подавать вида, что боится. – Надо же посмотреть что там.

– Конечно, надо. Узнаем, что там... ну или кто. Узнаем и вернёмся.

Ромке, что делать, пришлось пойти с Колей в мрачную пугающую мглу дальнего конца подвала. Дошли до сложенных около стены ящиков. За ящиками в левом углу и правда будто что-то завозилось. Коля и Ромка остановились. Ромка прислушался, но было тихо.

Коля на цыпочках подкрался к ящикам, посмотрел в щель, пытаясь рассмотреть, что там. Нет, видно было плохо. Свет падал справа сверху, из окошечек, расположенных под самым потолком, а слева, за ящиками, была крошечная тьма.

– Ничего не видно, – сказал Коля.

Ромка тоже подошёл и посмотрел. Нет, и он ничего не увидел. Между тем за ящиками снова послышался шорох, а потом громкий чих. И вот тут один из ящиков с грохотом полетел на пол подвала. За ящиками... сидел на корточках Марьин.

– Вы чего тут лазите?! – заорал Марьин.

Коля испуганно молчал. Ромка, само собой, тоже испугался, но только поначалу. Потом, вспомнив, что Марьин сам теперь его боится, говорит:

– Мы где хотим, там и лазим. Или только тебе можно? Что тут прячешься?

– Не твоё дело! – орёт Марьин.

– Ну и что мы тут лазим, тоже не твоё дело.

– Марш все отсюда! – не унимался Марьин. – А то нажалуюсь Вячеславу Дементьевичу, что вы тут по подвалу шляетесь.

– Ага, – сказал Коля, – расскажи. А мы расскажем, как ты тут прятался.

– Чего?!

– Слушай, Марьин, – говорит ему Ромка, – тебе мало сегодня было? Может добавки хочешь? Устрою.

– Да?! И сразу в колонию! Валите отсюда!

– Мы-то свалим, – сказал Коля. – А ты попробуй, только, нажалуйся. Мы-то просто так сюда пришли. Посмотреть. Нельзя, что ли? А вот ты зачем прятался, пусть Вячеслав Дементьевич уже сам разберётся.

– Ладно, не скажу, если вы не скажете, только уходите.

– Пошли, Рома, – сказал Коля. – Чёрт с ним.

– Точно, – сказал Ромка. – Чёрт. Черти как раз в таких местах и водятся. Идёмте, ну его.

И всё-таки Марьин нажаловался. Уже вечером Ромку, Ваську, Колю и Наташку вызвали к директору. Как только вошли в кабинет, Вячеслав Дементьевич говорит:

– Роман, Коля, Вася, как это понимать? Мало того, что сами залезли в подвал, так ещё и Кольцову на это подбили.

– Вячеслав Дементьевич, – говорит Коля, мы же просто посмотреть хотели. Ну интересно просто было.

– Да, что такого-то? – спросил Ромка.

– Что такого, спрашиваешь? А то вот и такого. Там навалено всякой рухляди. Что если бы кого-нибудь придавило тем ящиком, который вы уронили?

Отвечать-то за это мне пришлось бы. Сказали бы, что не уследил... Да и вообще, каково бы мне было, если бы с кем-нибудь из вас что-то случилось?

– Ящик не мы уронили, а Марьин, – сказала Наташка.

– Ага, точно, – добавил Коля. – Он там за ящиком от нас прятался, а потом чихнул и толкнул ящик.

– Марьин?! – удивился Вячеслав Дементьевич.

– Да, Марьин, – подтвердил Ромка. – Васькин и Кольцова услышали, как за ящиками кто-то прячется, испугалась, а мы с Колей пошли посмотреть. А там оказался Марьин.

– Не может быть... Что ему там нужно было?

– А мы откуда знаем? Только как бы он узнал про ящик, если бы там не был?

– Ладно, идите, но давайте договоримся, что в подвал вы больше ни ногой. Хорошо?

– Ага, – сказал Коля, – только и Марьину скажите, чтобы он туда не лазил.

– Ладно-ладно, я поговорю с ним.

Вот так закончился для Ромки и его новых друзей тот день. Даже если учесть незаслуженное наказание, тот день был для Ромки не самым худшим днём в детском доме. Дальше беды посыпались одна за другой. Как только случится что-нибудь плохое, а случаться оно стало чуть ли не каждый день, виноват оказывался Ромка. Всегда находились «свидетели» Ромкиных безобразий. Хотя нет, нельзя же про единственного «свидетеля» говорить во множественном числе. «Свидетель», а не «свидетели». А тем единственным «свидетелем» был, конечно же, Марьин.

В спальне Ромку больше не запирали. Нашлось для этого более подходящее помещение. Маленькая комнатка на третьем этаже, в которую была свалена всякая ненужная рухлядь. Хорошо ещё, что был там, пусть хоть и старый, наполовину разломанный, но какой-никакой, а диван. Можно было хотя бы посидеть или полежать на нём. Когда Ромку стали там запирать, ребята стали называть эту комнатку карцером.

Вячеслав Дементьевич каждый раз сокрушался. Говорил, что не понимает, почему Ромка так себя ведёт. Даже жалел его. Говорил, что Ромка не похож на хулигана. Говорил, что если бы не его поступки, то ни за что не поверил бы, что Ромка способен на что-то дурное. В общем, Ромка часто теперь оказывался виноватым в том, чего не делал.

Глава 10. Первое сентября

Вот и закончилось лето, наступил сентябрь. Начался учебный год. Ромке и ещё нескольким будущим ученикам ещё в конце августа устроили что-то наподобие экзамена. Надо было проверить, кто в каком классе сможет учиться. Ромку направили в третий класс. В третий класс приняли ещё Ваську и Наташку, а вот Коля пошёл в пятый класс.

Учителя, которые экзаменовали Ромку, были немало удивлены. Они ведь думали, что Ромка всю войну бродяжничал, поэтому не понимали, откуда у него «такие знания». И правда, откуда им было знать о партизанском отряде? Точнее, об отряде они знали, вот только никто и подумать не мог, что Ромка тоже был в том отряде. А там, в семейном лагере, организовали для ребят школу. Вот там Ромка и научился читать и писать. Ну и арифметику он тоже немного знал.

За день до начала учёбы третьеклассников собрали в актовом зале. Там им раздали тетрадки. По две, на каждого: в клеточку для арифметики и в линейку для письма. Ещё дали простые карандаши и перьевые ручки. Всё это было сложено в плоские матерчатые мешочки, сшитые из тёмного цвета холщового материала.

Вот с учебниками дело обстояло плохо. Их на всех не хватало. Учительница Александра Григорьевна объявила, что учебники будут выдаваться только на время уроков в классе – по одному на парту.

Первого сентября ученикам выдали новую одежду: белые рубашки с длинным рукавом, чёрные брюки. Настроение у всех, и у Ромки тоже, было праздничное.

Ромка не знал, где находятся классы, а оказались они совсем рядом, на первом этаже. Вы помните, наверное, что в вестибюле кроме входа с улицы были ещё двери? Одна из них – та, что с правой стороны вестибюля – летом была заперта.

Вообще-то, ту загадочную дверь иногда отпирал какой-то дядька. Ненадолго. Чтобы зайти туда или оттуда выйти. Странный это был дядька. Высокий, с длинными, зачёсанными назад волосами. Волосы опускались сзади ниже шеи. Взгляд у дядьки был странный, рассеянный, что ли. На нём всегда были отглаженные коричневые брюки с тёмными полосками, рубашка с длинными рукавами и тёмный жилет поверх рубашки. Ромка того дядьку почему-то побаивался.

Ну ладно, не о дядьке сейчас речь. Хотя... о нём вы тоже скоро узнаете. Дело в том, что именно за той дверью находились классы. Вот туда и повели учеников.

Итак, сразу за дверью был длинный коридор со старинной лепниной на потолке. Коридор выглядел бы роскошно, если бы не стены. Их, видимо недавно, выкрасили в мрачный синий

цвет. Впечатление спасали только высокие, пусть и не очень широкие, арочные окна, глядящие во двор детского дома. Без этих окон коридор выглядел бы довольно угрюмо.

По правой стороне коридора располагались двери в классные комнаты. Ромка вместе с другими третьеклассниками и учительницей Александрой Григорьевной зашёл в класс. Их классная комната была третьей от начала коридора. Вообще, как потом оказалось, классы располагались по порядку: сначала шёл первый класс, за ним – второй, потом – третий, и так далее.

Классная комната оказалась просторной, с высоким сводчатым потолком, как в вестибюле. В классе было три окна с видом на улицу и дорогу за забором. Но главное – парты. Это были самые настоящие школьные парты, которые раньше Ромка видел только на картинках, да и то давно, до войны ещё.

На стене, за учительским столом, была большая чёрная классная доска с узкой рейкой-полочкой внизу. На полочке лежал кусок мела и тряпка для стирания с доски.

Ученики расселись по местам. Ромка и Васька выбрали парту в дальнем ряду, у окна, но не тут-то было. Александра Григорьевна подошла и велела Ромке пересесть за другую парту. За ту, за которой сидела Наташка Кольцова.

– Почему? – спросил Ромка.

– Так надо, – ответила учительница.

– Зачем надо-то?

– За тем, чтобы меньше было безобразий на уроке.

– Каких безобразий?

– Ну, вы с Васькиным найдёте, что вытворить. Васькин всё время тебя выгораживает... И вообще, хватит пререкаться. Я сказала, чтобы пересел, значит пересаживайся.

С большой неохотой Ромка встал, взял мешочек со школьными принадлежностями, и поплёлся в средний ряд. К парте, за которой сидела Наташка. Настроение, хоть и несильно, но испортилось. А ведь это было только началом очередной неприятности.

Первым уроком был урок чтения. Александра Григорьевна раздала учебники «Родной речи», и велела открыть их на третьей странице. Наташка так и сделала.

– Итак, – сказала учительница, – кто мне прочитает вслух рассказ «Красное лето»? Руки подняли Наташка, Васька и ещё несколько ребят.

– Так, Кольцова, – выбрала Александра Григорьевна Наташку.

Наташка встала и стала читать: «На реке, в заводях, раскрылись белые лилии и жёлтые кувшинки. Буйно цветёт над водою водяная кашка. Дикая утка вывела из осоки маленьких утят. Летают над водой белые и синие стрекозы...»

Читала хорошо, не то что Ромка, не по слогам. Вот только водяная кашка Ромку озадачила. Из-за этой кашки и случился скандал.

Когда Наташка закончила читать, Александра Григорьевна обратилась к классу:

– Ну так, ребята, кто может пересказать рассказ? Можно своими словами.

Почти все подняли руки, и Ромка тоже поднял. А что, трудно ему, что ли, пересказать? Память-то у него отличная – всё запоминается с первого раза. Но... лучше бы он не вызывался отвечать. Александра Григорьевна говорит:

– Ну давай, Гусев, перескажи.

Ромка встал и начал пересказывать: «На реке, в заводях, раскрылись белые лилии и жёлтые кувшинки. Буйно цветёт над водою водяная каша...»

В классе послышались робкие смешки, а Ромка продолжал: «Дикая утка вывела из осоки маленьких утят...» и так до конца, почти слово в слово.

Когда Ромка пересказал всё до конца, Александра Григорьевна говорит ему:

– Всё хорошо. Память у тебя отличная. Только в одном месте оговорился. Вместо «кашки» сказал «каша».

– Ну и что? – сказал Ромка. – Вы же сами сказали, что своими словами. Только вот как может цвести каша и как она оказалась над водой?

После этих слов весь класс дружно хохотнул, а Александра Григорьевна кричит:

– Гусев! Ты долго будешь над нами издеваться?! У нас урок чтения, а не вечер юмора! И шуточка у тебя дурацкая! Садись! Двойка! Сегодня пожалуюсь Вячеславу Дементьевичу!

Ну вот, опять Ромка оказался виноват. Он не понял, конечно, из-за чего так рассердилась учительница.

– Ничего я и не издеваюсь, – говорит. – Я просто не понял про кашу.

Класс чуть не попал с парт от смеха, а Александра Григорьевна кричит:

– Всё! Хватит! Выйди вон из класса! И чтобы до следующего урока я тебя в классе не видела!

Настроение окончательно испортилось. А ведь как хорошо начинался день. Ну почему так? Нельзя, что ли, объяснить про кашу? Накричала, двойку поставила. А ещё и от Вячеслава Дементьевича попадёт. Ромка встал и тихо вышел из класса.

В коридоре он от нечего делать стал рассматривать потолок, стены. Ну, стены как стены, потолок как потолок. Ну, ещё лепнина, лампочки под потолком. В общем, ничего интересного.

Стало скучно, и Ромка подошёл к одному из окон. Там, за окном, было хорошо: светило солнце, зеленела трава и листва деревьев. Правда, в кронах деревьев уже появились первые жёлтые листочки, но их было ещё совсем мало. Лето продолжалось, несмотря на сентябрь.

Потом Ромка просто ходил по коридору, снова смотрел в окно, и вот, наконец, звонок на перемену. Открылись двери классов, и ученики высыпали в коридор. К Ромке подошли Васька, Наташка и ещё несколько ребят.

– Ну ты и отчудил! – сказал Васька.

– Почему отчудил? – не понял Ромка.

– Не знаю, почему. Зачем ты про кашу ляпнул?

– Ничего я и не ляпал. Спросил просто, потому что не понял.

– Чего не понял?

– Про кашу не понял. Как может цвести каша? И почему Александра Григорьевна разозлилась, тоже не понял.

– Там не про кашу написано, а про водяную кашку, – сказала Наташка.

– А какая разница? Не всё ли равно водяная эта кашка или молочная? Или ещё не знаю какая.

– Это цветы так называют, – объяснила Наташка. – Они на воде растут.

– А ещё цветки клевера называют кашками, – добавил Васька.

– Цветки?! – удивился Ромка. – А я откуда знал, что цветки? Я думал, что там не про цветки, а про настоящую кашу.

– В голове у тебя каша, – услышал Ромка позади себя голос Александры Григорьевны. Она слышала разговор, и поняла, что Ромка и в самом деле не знал, что речь шла о цветах.

– Ладно, – сказала она, – это я виновата. Думала, что ты знал, что такое кашка. А пере-сказал ты хорошо, только кашку назвал кашей. Я тебе отметку исправлю.

Глава 11. Ростислав Александрович

А вот теперь настало время рассказать о том дядьке. Ну о том, о странном, о котором я уже говорил, о том, которого боялся Ромка.

Итак, наступил понедельник, третье сентября. Второй учебный день первой четверти. У Ромки никак не получалось решать задачки по арифметике. Даже странно. Ведь раньше он решал задачки, а теперь разучился. С примерами всё было понятно. Ну, там, прибавить, отнять, разделить, умножить – ничего трудного. А вот задачки... Вот во время перемены Ромка и попросил Ваську объяснить, как решаются эти задачки. Пока Васька объяснял, в коридор зашёл тот самый дядька. Ромка заметил его не сразу, а только когда услышал позади себя шаги. Обернулся и, страшно испугавшись, отскочил к стене около окна. Дядька остановился и говорит с усмешкой:

– Ого. А я и не догадывался, какой я страшный.

Ромка молчал, испуганно прижавшись спиной к стене. Вот только в этот момент подошедший к друзьям Коля тихонько хихикнул. Говорит:

– Ростислав Александрович, это он от неожиданности.

– От неожиданности, говоришь? – спросил Ростислав Александрович. – Ну, тогда ладно.

А то я уж подумал...

– Нет-нет, от неожиданности, – подтвердил Колька.

Ростислав Александрович спрашивает у Ромки:

– Тебя как хоть звать-то, неожиданность?

– Ромка... – еле выдавил из себя Ромка.

– Ага. Понятно. Ну а что так робко? Тоже от неожиданности?

– Не знаю...

Дядька рассмеялся. Ромке и самому стало смешно. Вот только стыдно перед ребятами. Ведь все теперь будут знать, какой он трус.

– Ну ладно, Роман, – сказал Ростислав Александрович, – извини, что так вышло. Пойду я, а то у меня скоро урок в шестом классе.

Ростислав Александрович дошёл до последней двери коридора, отпер её и зашёл туда. Ромка спросил:

– Коль, а кто такой Ростислав Александрович?

– Учитель рисования, – ответил Коля. – А ты не знал?

– Откуда мне знать-то?

– А чего ты его так испугался?

– Не испугался, – соврал Ромка. – Просто он неожиданно появился. Я боялся, что он об меня споткнётся и упадёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.